

С. В. ГАВРИЛОВ

ГОД ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА. 1930-й

4 января общественно-политическую жизнь города в начавшемся году открыла городская детская конференция. Юные делегаты всерьёз обсуждали учебные дела и внешкольную работу, приняли совсем не детское решение поддержать постановление городского совета профсоюзов и других организаций «об отобрании Петропавловской церкви и о передаче её под детский клуб». О нём они телеграммой сообщили в Москву самому «Всесоюзному старосте» — председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР Михаилу Ивановичу Калинин: «Работа среди детей хромает из-за отсутствия помещения».

Неведомый нам стихотворец откликнулся на это событие следующими строками, посвятив их «внучатам Ильича» — петропавловским пионерам:

*Зал гудит и пенится, зал битком набит...
Гвардия юных ленинцев рушит старенький быт.
В пламени алом вспыхнуло будущее веков.
В зале грянуло, ухнуло: «Всегда готов!»
Скучными-ль цифры покажутся? Сказку бы детям как раз? —
С карандашом слушают, — дают горсовету наказ.
В прениях мыслят: больницу, школу, кино, дрова...
Розами рдеют лица... Хором: — Церковь под клуб давай!
Старому миру — ходулину! Смертью слова звучат.
Радио унесло Калинин рапорт камчатских внучат Ильича.
Зал гудит и пенится. Зал битком набит...
Гвардия юных ленинцев рушит старенький быт.*

Пионерскую энергию намеревались использовать и в ходе пушных заготовок. «Пушная кампания», к которой привлекалась вся общественность, шла под лозунгом «Сто процентов пушнины государству, ни одного хвоста частнику-спекулянту!» (напомним, что пушнина являлась дорогостоящим валютным товаром и рассматривалась как один из источников средств для развернувшейся в стране индустриализации). Окружное бюро пионерской организации объявило соревнование на лучшее участие отрядов в пушно-заготовительной кампании. Оно же установило премии для победителей: два комплекта инструментов для столярных кружков и одну библиотечку.

Внучатам Ильича предлагалось заняться разъяснительной работой среди камчатских селян. Для этого городская пионерская организация обязалась организовать не менее трёх «вылазок» в ближайшие сёла, завязать связь с тремя деревенскими отрядами и тремя школами и помочь им в проведении агитации, особенно в сёлах, не имеющих своих пионерских отрядов. Кроме этого пионеры намеревались провести соответствующую деятельность в доме крестьянина: развернуть здесь «уголок охотника», вывесить плакаты собственного изготовления подходящего содержания и показать «художественное выступление». Городским школьникам, имевшим деревенских родственников-охотников, предлагалось написать им письма о необходимости сдачи пушнины государству. Ход «пушной кампании» освещался газетой

«Полярная звезда», настенными листками и даже «световым» журналом, спроецированным на клубном экране.

6 января в здании Камчатского народного суда в открытом заседании начался «процесс сотрудников АКО». «Ниточка за ниточкой разматывался клубок чрезвычайно запутанных и сложных махинаций с товарами, причём предварительным следствием была установлена несомненная виновность в этом деле заведующего факторией Суконнова, старшего бухгалтера Новограбленова, заведующего магазином Маштакова и заведующего главным отделением магазина Бакулова, которые и сидят сейчас на скамье подсудимых».

Учёт наличия товаров на складах и в магазине фактории АКО и отчётность здесь оказались страшно запущены. Нередко часть доставленного, выгружаемого с парохода, сразу же на пристани отпускалась покупателям, часть, вывозимая из порта, шла в магазин, минуя склад. Расценка производилась по усмотрению заведующего магазином и не всегда верно. Товар часто продавался неоприходованным.

Всё это создавало почву, благоприятную для разных злоупотреблений. Обычным делом стало «самоснабжение» сотрудников фактории, зачастую в пределах, превышающих их личную потребность. При этом ссылались на некое разрешение главной конторы АКО. Заведующий факторией общества, по данным следствия, ухитрялся даже импортные товары — плюшевые одеяла, чулки и фрукты — переправлять «контрабандным путём на материк своей семье».

Приговор по шумному делу был вынесен в двенадцать часов ночи 8 января. Несмотря на позднее время, зал был переполнен. Суконнова приговорили к двум годам лишения свободы с запрещением на пять лет занимать ответственные должности в государственных учреждениях. Маштакова осудили к девяти месяцам принудительных работ, Новограбленова — к году, обоих с таким же запретом. Одним словом, «торговали — веселились, подсчитали — прослезились». Ещё одного подсудимого — Бакулова — оправдали. Суд решил дополнительно открыть следствие против сотрудников главной конторы АКО Малышева, Гончарова и Турилова и её руководителя М. Д. Шеина.

8 января окружная контора связи провела открытые торги на перевозку почты от Петропавловска до селения Начики.

9 января ячейка «безбожников» школы-девятилетки поставила очередной антирелигиозный вечер. Его предварила лекция учителя В. А. Гаврилова о вреде поповского дурмана, затем была показана пьеса «Савва Чалый». Вечер завершился музыкальными номерами, частушками и играми.

10 января открылась первая окружная партийная конференция. В Камчатском округе имелось триста семьдесят шесть членов и кандидатов в члены ВКП(б). С отчётным докладом выступил секретарь окружкома партии Н. Д. Зыкин. Конференция рассмотрела ход выполнения первого пятилетнего плана по округу, работу в деревне по коллективизации и кооперативному строительству. Заседания продолжались пять дней. Их участники ежедневно издавали стенные газеты «Делегатская скребница» и «Ильичёвка».

Вскоре на смену партийцам ожидалась делегаты окружной комсомольской конференции. Некоторые уже начали съезжаться: более пятнадцати человек прибыло на собачьих упряжках из Тигильского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов. А ещё ждали гостей на пленум окрисполкома. Пока не все собрались, но уже сейчас в городе скопилось значительное количество ездовых собак. Остро встал вопрос: чем их кормить?

Впрочем, сложности с питанием возникли не только у этих друзей человека: «В петропавловской столовой после обеда приносят делегатам по стакану чаю. Глянешь в стакан, а там таракан. Спрашиваешь: “Почему у вас тараканы в чае?” — “А потому, что ситечка нет”». Один из делегатов предложил заведующему столовой купить это самое ситечко, дабы «не попадал таракан в стакан и не портил людям настроение». Да и заведующему городской пекарней следовало обратить серьёзное внимание на качество выпускаемого хлеба, «который собаки кушать не будут» и от которого «даже заболевают делегаты. В доме крестьянина заболели некоторые». Вот такая незавидная

участь досталась столь уважаемым людям из-за халатности отдельных работников. О том, возымели ли действие делегатские слова, нам не ведомо.

12 января заседали члены гужевой артели, действовавшей в Петропавловске с апреля 1927 г. (председатель Артюхин). Официально она называлась «Промысловая кооперативная гужевая артель лошадиников» и, между прочим, являлась монополистом по части владения «перевозочными средствами», то есть лошадьми и подводами. Повестку дня составил вопрос, «выдвинутый под давлением бумажки». Помянутая «бумажка» представляла собой напоминание о проводившейся подписке на третий заём социалистической индустриализации. В ходе собрания замечены «несоветские настроения» и выявлено неправильное «классовое нутро» членов артели.

«В небольшой накуренной комнате стоит недовольный гул.

— Так мы уже подписались. Чего им ещё нужно?

— Что, ещё нужно подписаться? Какому коммунисту на жалованье не хватило?» Докладчик с иронической улыбкой сидит, как воды в рот набрал, ни слова.

Один из смельчаков сказал:

— Я предлагаю подписаться не менее пяти рублей.

Снова гул: «Хватит какому-нибудь коммунисту на зарплату».

— Ну, брат, положим, коммунисту-то не хватит, а вот сторожу хватит!

В накуренной комнате гул не перестаёт умолкать.

Все ждут веского слова уважаемого председателя-докладчика. Уважаемый решает: «Пиши, Миша: «Постановляем произвести подписку на третий заём индустриализации страны не менее пяти рублей»». Вопрос исчерпан. Что может быть безобразнее такого «подхода» к вопросу о займе индустриализации со стороны и докладчика-председателя, и членов гужевой артели?»

Итак, председатель артели не разъяснил смысл проводившегося займа, а никто из членов не попытался указать на неправильное отношение коллег-возчиков к происходящему. Из всего перечисленного делался вывод, что артель не являлась кооперативной промысловой, а наименовала себя так лишь для видимости и возможности пользоваться установленными кооперативам льготами.

К тому же в её составе обнаружился бывший торговец, а из валового дохода за 1929 г., превысившего одиннадцать тысяч рублей, в основной капитал не отчислено ни копейки. Артель не придерживалась утверждённого устава, следствием чего и стало «проникновение чуждого элемента». Цены же на перевозки способствовали разжиганию «рваческих appetitов». Всё это, по мнению «товарищей», говорило о том, что артель следовало лишить кооперативного устава, превратить в трудовую, закрепив её за окротделом труда и, естественно, немедленно выгнать из её состава бывших торговцев.

16 января окружной совет Осоавиахима объявил о начале приёма заявок на приобретение формы для своих членов. Её мужские и женские образцы установлены по типу комсомольской, чёрного цвета. Комплект из брюк, гимнастёрки и фуражки стоил девять рублей семьдесят пять копеек. Заявки до 1 февраля должны были утвердить местные ячейки и райсоветы этой весьма уважаемой массовой общественной организации, основанной в 1927 г.

Её главной задачей являлась подготовка к будущей войне с империалистами, в которой «тыл будет принимать непосредственно участие во всех операциях». Поэтому население должно готовиться выполнять всевозможные военные обязанности. Одной из таковых, возлагаемых на женщин, будет являться «служба в армейских штабах, в снабженческих учреждениях и учреждениях связи». Вот для подготовки связисток и телефонисток в городе и организовывался кружок по изучению связного дела. Его участницы должны были освоить работу с телефонными коммутаторами военных и гражданских образцов, уметь принимать и отправлять корреспонденции, быстро записывать телефонограммы, а также суметь защитить телефонную технику «от ядовитых газов и вообще работать в противогазе». Всю учёбу намечалось вести на практике, непосредственно у аппаратуры. Записывали желающих в окротделе работниц и в окрисполкоме. Первое занятие состоялось в Красном уголке отделения связи вечером 18 февраля.

Но, говорит старая пословица, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Её с успехом можно было применить и к кружку связников. Руководитель Шафаров намеревался изложить всю программу на четырёх занятиях. После двух уроков он передал кружок Петрову, заявив, что сам заниматься не может, так как сильно загружен. Петров провёл ещё два урока, объяснил курсанткам, что электрический ток можно получить, потирая сургучную палочку суконкой, после чего тоже исчез. Спустя время к руководству снова приступил Шафиров. «Так с миру по нитке, а с руковода — по одному занятию».

17 января горожанин, укрывшийся под псевдонимом «Комар», отметил большие неудобства, создаваемые населению ночным бездействием электростанции. Причина — недостаточное количество выписанных с «материка» из-за чьей-то «близорукости» электросчётчиков, без которых невыгодно было давать энергию потребителям, платившим за неё «полампочно». При их установке «и комхоз бы выиграл, и жители утром имели бы электрический свет вместо керосинового». В городе имелось более двух тысяч ламп, утренняя нагрузка станции достигала ста пятидесяти киловатт. Энергию подавали, когда наступала настоящая темнота. До этого читать и писать было уже нельзя, почему приходилось прерывать вечерние занятия и ожидать, когда «электричка», то есть станция, соблаговолит включиться. Отключалась же она, наоборот, чересчур рано, не в час ночи, как об этом заявлялось, а в полночь. Горожане, занятые допоздна, должны были помимо электрического освещения пользоваться ещё и керосиновым.

Об «электробезобразии» другого рода сообщил некто «Дубровский». Он отметил, что энергия для киноустановки потреблялась от общей осветительной магистрали, поэтому при бросках нагрузки во время показов накал ламп резко менялся. Это отражалось на зрении кинолюбителей. Поправить дело можно было быстро: переключить киноустановку на уличную осветительную магистраль. «Если электростанция остаётся до сих пор глухой, то окрздраву необходимо сказать решающее слово, иначе вместо оборудования глазного отделения при горбольнице придётся создавать клинику. В пациентах недостатка не будет».

Плохо действовали и единственные городские общественные наружные часы, что разместились на конторе окрсвязи (обычные в наше время наручные часики были тогда большой редкостью, своеобразным показателем высокого общественного статуса их обладателя). Они то стояли, то шли неверно. «Дайте точное время, необходимое учреждениям и населению!» Устанавливать же его было несложно по ежедневно сообщавшимся сигналам Хабаровской широковещательной радиостанции.

18 января открылась комсомольская конференция. «Второе поколение большевиков» (первое — это партийцы), своего старшего брата, горячо приветствовали юные ленинцы — пионеры. Они преподнесли конференции подарок — свой только что созданный третий городской отряд. Представитель производственной мастерской Берзин заверил собравшихся, что он и его коллеги усилят производительность своего труда. Пограничный отряд прислал боевой чекистский привет. В перерыве по радио из Хабаровска (сейчас сказали бы, что в «живом эфире») прозвучало приветствие от представителя крайкома комсомола. После закрытия конференции прошёл «живой журнал», физкультурные номера и сценическая постановка.

С чем же пришла камчатская комсомолия к своему форуму? Сеть её ячеек выросла с девяти до шестидесяти, число комсомольцев достигло шестисот. Особенно быстро оно росло за счёт «туземной», то есть местной молодёжи коренных национальностей. На этот факт в «Полярной звезде» стихотворными строками откликнулся некто М. Уралов:

*В сердце комсы эту песнь перелём
Мы на другие мотивы.
Всех рыбаков и дегры (бедняков. — Ред.) соберём
В совхозы и коллективы.
Об этом на съезде тальянка поёт,
Хохочут меха в мажоре.
Новую жизнь мы иначе скуём,*

*В дружном и ленинском хоре.
Вам, мои братья труда и борьбы,
Вам — красноцвет комсомолья,
Вам, запыхавшим, чтоб пламя разжечь,
Песенку эту сложил я.*

Имелись в комсомольской жизни и недостатки. Так, в ячейке АКО общественные нагрузки между членами распределялись неравномерно. При различных перевыборах и довыборах их возлагали на одних и тех же, может быть, и умевших хорошо работать, но загруженных ребят. Это отчасти создавало «антагонизм» между комсомольцами, вызывало их недоверие друг к другу. Между тем, в АКО были юноши и девушки, хотя и малоопытные, но желавшие работать. Их следовало выдвинуть и подучить, тогда они тоже смогли бы принести пользу. Отмечены и «мещанские взгляды на жизнь» среди части молодёжи: «одна комсомолка говорила, что ей хотелось бы воспитывать своих детей так, как когда-то воспитывали помещики». С такими несоветскими настроениями следовало неуклонно вести борьбу, усилив политико-воспитательную работу, но пока этого не делалось. «А где же партийное руководство?» — задавались вопросом неравнодушные.

20 января комсомольцы школы-девятилетки вызвали на соревнование ячейку ремесленно-производственной мастерской. Предложено повести работу с отстающими, добиваясь «полной успешности», охватить политической учёбой всех комсомольцев, вовлекая в кружки и неорганизованных ребят, усилить работу по интернациональному воспитанию и связи с зарубежными товарищами, а к 20 мая полностью вступить в ряды Международной организации помощи рабочим (МОПР), Осоавиахима и Союза безбожников.

21 января окрсоветы Общества содействия физической культуре и Осоавиахима провели первый городской лыжный пробег для всех желающих, но предварительно записавшихся в своих коллективах. «Этот пробег даст возможность выявить лучших лыжников и стрелков для составления соревнований более крупного масштаба». Сбор участников назначен на Култучном озере. Состязались на двух дистанциях: пятикилометровой на скорость и двухкилометровой со стрельбой. Лучшие бегуны и стрелки отмечены двумя ценными призами.

22 января в школе открылся кружок текущей политики. На первом, организационном, собрании присутствовали более двадцати учеников. Намечен план работы, решено на ближайших заседаниях провести беседы: «Новый этап борьбы с уклонами в нашей партии», «Пятилетка СССР», «Коммунистический Интернационал молодёжи».

23 января заработала конференция учителей города и Петропавловского района. Она ежедневно заседала в школе-девятилетке с десяти утра до часа дня и с трёх до шести вечера. Открыл работу докладом «Пятилетка в Камчатском округе» сам председатель окрисполкома В. Ф. Богатырёв. Затем прозвучали доклады «Очередные задачи школы в текущем учебном году», «Задачи и роль школы в связи с пятилеткой и её реализация», «Общественно-полезная работа школы», «Антирелигиозное и интернациональное воспитание», «Ликвидация неграмотности и школа», «Повышение квалификации педагогических кадров». Рассмотрены вопросы организации в школах «детской среды», развития политехнического воспитания и социалистического соревнования.

В окружке ВКП(б) совещались по поводу организации вечерних детских яслей. Большинство присутствовавших составили матери-работницы и активистки-жендегаты, которым не с кем было оставить своих ребятшек на время многочисленных вечерних заседаний и собраний. Решено открыть ясли к 1 февраля, для проведения организационной работы выбрана очередная комиссия.

25 января пришла, наконец, почта, отправленная в прошлом году на попавшем в жестокие штормы ледорезе «Литке». Часть посылок оказалась разбита, бумаги — подмочены и повреждены.

26 января корейцы Мен Хеби и Цой Чисуни написали торжественное обещание, что в дальнейшем прекращают играть в азартные игры и пить водку. Они призывали последовать их и других восточных рабочих, иначе «восточников». Организаторами

игр назывались «спекулянты и лодыри, которые не желают зарабатывать себе кусок хлеба физическим трудом». Активнейшими из них являлись Пак Вонбэк, Киян Ян Чин, Хоун, Чжан Ды Чин, Щя Хвы Ден и другие.

Общее собрание «восточников» постановило, что с нарушителями советских законов «нянчиться не следует, а переводить игроков с первой и второй категории (продуктового снабжения по карточкам. — С. Г.) на третью и высылать на материк, поставив одновременно перед соответствующими профорганизациями, если они являются членами союза, вопрос об исключении их из членов союза». Попутно признано, что принимаемые милицией меры в виде наложения штрафов и отправке на принудительные работы пока существенных успехов не дают, а без привлечения восточников-активистов к борьбе с азартными играми и культурно-просветительной работе не обойтись.

Картёжные игры, считавшиеся одним из самых ярких «пережитков прошлого», были распространены не только в среде «восточников». Ими увлекались и некоторые руководящие работники, вроде бы долженствующие быть примером для рядовых тружеников. В своё время своеобразным «приютом» для прожигателей жизни служил городской клуб, где «процветала порнография и халтура на сцене и поголовная пьянка за традиционными столиками в зале. Устраивались “кабаре” с кафешантанной программой, весело и беспечно прожигалось за бутылкой водки и за зелёным столиком здоровье, доброе имя, а иногда и жизнь нашего молодого поколения».

Сейчас же клуб считался оздоровлённым. Его бывшие завсегдатаи, «поклонники кафешантанов и игорных домов», теперь удовлетворяли свои страсти в домашней обстановке. «По уголкам и переулкам идут шёпотом разговорчики о том, что в некоторых квартирах в Петропавловске происходят азартные картежные игры. Шепотком называют и отдельные фамилии участников. При чистке сотрудников окружного финотдела говорилось, что растрата профсоюзных денег, произведённая бывшим секретарём группкома Беридзе, является прямым следствием картёжной игры. Во время чистки сотрудников суда говорилось, что в городе есть бытовое разложение, и для того, чтобы его прекратить, надо кое-кого изгнать из города...»

Вот с этой-то «разлагающей работой», распространявшей своё тлетворное влияние и заразу и на всех окружающих, и что опаснее всего, — на молодёжь и предстояло бороться и милиции, и общественности.

30 января правительственным решением — постановлением Президиума ВЦИК медицинская секция горсовета за хорошую работу получила премию в три тысячи рублей и набор хирургических инструментов.

Стало известно, что горожанка Шорохова по билету № 3077 выиграла во всесоюзной авиахимлотерее коньки стоимостью десять рублей. Чтобы получить выигрыш «натурой», ей следовало отправить билет лотерейному комитету в Москву.

1 февраля окружное профсоюзное бюро объявило о предстоящем открытии первых на Камчатке курсов мотористов-трактористов. «Условия необходимости усиления социалистической стройки накладывают на нас ответственность за обеспечение промышленности хорошо подготовленными, классово-выдержанными кадрами квалифицированных рабочих, и поэтому дело каждой партийной и комсомольской ячейки и профсоюзной организации обеспечить своевременное открытие курсов, приступив немедленно к отбору курсантов». На учёбу на три с половиной месяца набиралась группа в тридцать пять человек. Курсы финансировали АКО и окружная контора связи, их работой руководило правление союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. В число слушателей набирался, в первую очередь, «бедняцко-батрацкий молодец, активно участвующий в общественно-политической жизни деревни». Ему отводилось до двадцати мест, в том числе не менее пяти — для девушек. Пятнадцать мест предоставлялось городским жителям, членам профсоюза, рабочим и низшим служащим. Зачисленным полагалась стипендия в шестьдесят рублей в месяц.

Ежедневно шли шесть часов теоретических занятий, восьмичасовые практические занятия намечали провести ближе к окончанию учёбы, к 9 апреля. Выпуск первых на полуострове мотористов-трактористов намечен на 28 апреля. Между прочим, слушатели обижались на заведующего курсами за то, что он редко посещал занятия.

5 февраля прошёл второй лыжный пробег, имевший целью «выявить лучших бегунов-лыжников по пересечённой местности с препятствиями и стрельбой по появляющимся мишеням». Установлена одна дистанция в пять километров. По пути — стрельба пятью патронами по грудным мишеням на расстояние в две с половиной сотни метров. Соревновались команды погранотряда, школы-девятилетки и профсоюзов. Участники прибыли к озеру со своими ружьями, приспособленными для ношения на ремне через плечо.

10 февраля в больницу пришла комсомолка Афанасьева, почувствовавшая начало родовых схваток. Акушерка Лукьяненко осмотрела её и заявила: «Роды ещё не скоро, поди, погуляй». Молодая неопытная мать не возразила и пошла «гулять», но так как боли усиливались, вскоре вернулась в больницу и, обессилив, упала на ступеньках. Проходившая мимо санитарка помогла ей войти. Акушерки рядом не оказалось. Начались роды. Но ни санитарка, ни сама комсомолка не понимали, что происходит. Роженица пошла в уборную, куда её санитарка отпустила одну. Здесь на пороге и родился ребёнок. Когда мать закричала, прибежала санитарка, собрались все больные, а акушерки всё не было. Никто из присутствующих принимать детей не умел. Тогда за неведомое дело принялась санитарка. Кое-как уложили роженицу на койку, обмыли новорождённого. В это время вернулась акушерка. Её обступили возмущённые пациенты, а та «спокойно замечает: “Подумаешь, какая беда, родила... и хорошо. Только не распускайте языки, поменьше сплетничайте”. Такое отношение со стороны акушерки к новорожденным и матерям по меньшей мере странно. И что это значит: “Поменьше сплетничайте”? Неужели тов. Лукьяненко думает, что такое событие, как роды в уборной больницы, — факт весьма обыденный, о котором говорить не следует?»

11 февраля в клубе Союза советских торговых служащих (ССТС) состоялся «вечер китайской эстрады»: первое выступление драматического кружка. Показана «инсценировка собственного сочинения по сжатой статье о шанхайской забастовке», рассказывавшая о некоем предпринимателе, удлинившем труженикам рабочий день и понизившим зарплату. Следующая постановка изображала ходячего паяльщика, исполнявшего куплеты о тяжёлом детстве, о том, «как геройски он боролся со всеми трудностями, подчеркивая, что он восьмилетним мальчонкой уже окончил университет», в смысле жизни. Подобно русским частушкам, слова паяльщика сопровождались музыкой, но та звучала не во время исполнения куплетов, а после, «что характерно для китайской сцены вообще». «Зал клуба ССТС переполнен тёмно-синими блузами китайских рабочих. На смуглых лицах прыгают блики электрических огоньков. Гомерический хохот и всплески рук, восхищённые выкрики: “Хоу, хоу...” (хорошо, браво), вторили пронзительному грохоту медного оркестра». Представление свидетельствовало о наличии среди городских китайцев достаточного числа талантов и говорило за то, что правлению клуба пора было подумать о постановке интернационального вечера, «спаяв нацменьшинства единой монолитной программой».

14 февраля А. А. Литвинов, режиссёр экспедиции Совкино, прибывшей на полуостров в апреле прошлого года, сообщил из Гижиги, что завершена съёмка двух фильмов — «Забытый край» и из жизни коряков. Экспедиция начала работу над третьим — «Оленным всадником».

Пришла телеграмма от академика А. Е. Ферсмана с предложением принять меры к охране метеорита, упавшего ещё в сентябре 1928 г. в тундре в районе реки Пал-Пал и убившего сто тридцать оленей. Камчатское краеведческое общество на своём заседании постановило просить окрисполком предложить Пенжинскому и Анадырскому райисполкомам попытаться разыскать место падения небесного тела.

Краеведы получили известие из Хабаровска, что книга «Камчатка (природа, люди и хозяйство)» ещё не напечатана, а собранные для неё материалы редактируются и дополняются. Для сбора сведений для предполагавшейся к изданию Дальневосточной энциклопедии при обществе организована «ячейка содействия» в составе П. Т. Новограбленова, В. Ф. Богатырёва и М. Э. Кренберга. Ячейке поручено «пригласить ряд товарищей для составления статей для энциклопедии».

Городская милиция сообщила о привлечении к ответственности за хулиганство В. П. Слободчикова, П. И. Осминина, Ф. И. Ванина, Ван Хин Зая, И. Е. Иванова,

Д. А. Шагаева и других. Оштрафованы за картёжную азартную игру на суммы от десяти до восьмидесяти рублей «восточники» Ван Син Чжун, Тао Цзя Инь, Фузито Хиторо. Две недели принудительных работ за это же получил Синью, предупреждения — Цой Чисуни, Цой Ше Хэби и Фу Шу. Упомянутый «гражданин Шагаев» также подвергся уголовной ответственности за поломку приёмного лотка и порчу центрального водопровода «с целью отвода воды для удовлетворения своих потребностей водой».

20 февраля объявлено, что АКО для обеспечения нормального хода грузовых работ в порту создаёт артель из местных жителей в сто человек. В ближайшие дни общество намеревалось приступить к постройке нового причала на угольной площадке мыса Сигнального. Ожидалось, что с первыми судами придут семь разобранных больших понтонов. Они могли увеличить причальную линию и позволить одновременно выгружать два парохода. На засыпаемой территории в северной части Ковша намеревались собрать два пакгауза из материалов, привезённых из Владивостока. Ожидалось прибытие первых на полуострове шести грузовых автомобилей. Контора АКО ждала новый портовый катер и самоходный кавасаки.

В деятельности порта обнаружилось множество недостатков, связываемых с личностью нового, недавно прибывшего руководителя Фрича. По словам очевидцев, сразу после появления в Петропавловске новый начальник начал перераспределять своих работников по квартирам, при этом лишив одного из них, имевшего жену и грудного ребёнка, жилья. Затем заявил, что «он их разгонит». Вскоре из тридцати девяти рабочих осталось одиннадцать, да и эти собирались уходить, так как с ними отказывались заключать трудовые договоры. Организация работы оставляла желать лучшего. Техник-строитель постоянно отрывался от дела, так как ему поручили заведование кладовой. Из-за задержки портового катера чуть было не сорвалась обработка парохода «Томск», простаивавшего под угрозой, что его затрёт льдом, и ему придётся остаться в Петропавловске на зимовку. Была задержана почта, замёрзли и пришли в негодность привезённые медикаменты.

21 февраля уточнены предельные месячные нормы отпуска горожанам продуктов по карточкам. Все их получатели ещё 21 мая прошлого года были поделены на три категории: первая — лица физического труда; вторая — лица нефизического труда (служащие, члены их семей, члены семей лиц, причисленных к первой категории, и лица свободных профессий, за исключением служащих культа и лиц нетрудового дохода); третья — прочие граждане.

Для первой категории установлены следующие нормы выдачи (в килограммах): мука — 23, сахар и крупы — по 2, жиры — 1,25, мыло ядровое — 0,6. Для второй и третьей категорий: мука — 15 и 9, сахар и крупы — по 1,5 и 0,5, жиры — 1 и 0,5, мыло — 0,6 и 0,4 соответственно. Детям граждан, отнесённым к первой и второй категориям, и женщинам с пятого месяца беременности ежемесячно дополнительно полагались по полкило сахара. Горсовет имел право в случае недостатка названных продуктов снижать указанные нормы наполовину, сохраняя пропорциональное соотношение для разных категорий.

23 февраля в двенадцать дня у стоявшего в Ковше теплохода АКО «Охотск» состоялось отборочное соревнование по стрельбе из винтовок между командами ячеек Осоавиахима, школы и профсоюзов. Стреляли тринадцать раз на расстояние в триста шагов. Состязались, так сказать, «любители»: инструкторы и кадровые командиры к участию не допускались.

25 февраля на общем собрании рабочих, служащих типографии и редакции «Полярной звезды» решено организовать «огородный колхоз», написав заявку в горсовет о предоставлении ему участка. В колхоз на первых порах записались десять человек. Этим было положено начало новой кампании, на сей раз посевной: «Даёшь коллективные огороды! Ни одного клочка земли не должно остаться незасеянным!»

В организации «огородных коллективов» должны были принять участие городская общественность и профсоюзы. Для них намечено разбить одиннадцать гектаров. Такие цифры установил окрисполком. Чтобы выполнить его задание, все огородники обязывались полностью засадить выделенную землю. Жители селения Солеварка и испра-

вительно-трудовой дом должны увеличить свою имеющуюся площадь втрое, школа-девятилетка — засеять огород из расчёта десять квадратных метров на каждого ученика. Проверка «стопроцентного» засева возлагалась на горкомхоз. При обнаружении «неполного засева отдельными гражданами» неиспользованные земли намеревались изъять и передать «гражданам, желающим производить посевы».

Президиум горсовета предписал горожанам и жителям Солеварки не позднее 1 марта подать Петропавловскому кооперативу заявления о наличии у них картофеля и его предполагаемом расходе на питание, а также излишках, назвать размеры огородов. Всё это требовалось для учёта наличных посевной площади и семенного картофеля. Излишки последнего запрещалось продавать частным лицам, а предлагалось сдать кооперативу по цене два с полтиной за пуд. Отсюда излишки предполагалось направить на «обсеменение полей совхоза АКО, колхозов окрестных деревень и населения города». Помимо наличных сдатчикам обещаны мука, овёс и жмых для корма скота.

В феврале развернулась дискуссия «За новый быт». Её ключевой вопрос — освобождение женщин-хозяек от кухонных обязанностей. Высвободившееся время можно было бы обратить на общественно полезную работу. Подобные дискуссии, впрочем, вполне безрезультатные, «на материке» шли уже давно, а вот теперь пришла очередь и Камчатки.

Вызволить женщин-хозяек из «кухонного рабства» могла бы, например, кооперативная столовая. Но это могло случиться лишь при её доступности «в смысле удешевления стоимости обедов». А последняя была высока, в том числе из-за расходов на оплату обслуживающего персонала. В связи с этим возникло предложение возложить его обязанности, за исключением поваров, на самих столующихся и этим снизить стоимость питания. Те, кто не хотел или не мог выполнять их, должен был оплачивать расходы. Женщины-служащие могли бы «отбывать очередь по обслуживанию» в свои выходные дни, а неработающие — в любое удобное для них время.

Столовая должна была обеспечить четырёхразовое питание, причём «все полагающиеся по норме продукты должны непосредственно поступать в столовую, чтобы изжить существующую систему привилегированного положения, когда столующиеся в добавление к питанию в столовой получают и норму по продовольственным книжкам». А чтобы «окончательно избавиться от кухни», нужно было не отпускать клиентам питание на дом. Такой коллективной столовой не следовало гнаться за прибылью, тогда её посетители не выходили бы «из рамок своего бюджета». Благодаря же частым посещениям и непосредственному участию в работе столовой у посетителей должна была появиться «заинтересованность в её развитии и усовершенствовании». Попутно они, особенно дети, воспитывались бы «в духе общественности и коллективизма».

Эти идеи нашли отклики. Вот один из них, активистки Мальковой, похоже, что супруги начальника исправительно-трудового дома орденоносца С. С. Малькова, призывавшей подруг перейти от слов к делу: «Мы стремимся к коллективным столовым. Говоря о раскрепощении женщин, хотим быть наравне с мужчиной, но в действительности у нас остаются одни слова. Давайте, женщины, энергичнее возьмёмся за переустройство старого быта — ведь это всецело зависит от нас самих... Вот пример: мы живём в милиции, восемь семей, из них есть партийцы, комсомолки-делегатки. Стыдно будет, если мы не добьёмся этой коллективной столовой. У каждой не будет занят целый день на кухне, и мы ближе подойдём к социализму. Я призываю наших женщин организовать одну столовую. Даёшь коллективную столовую и общий труд!»

Вполне естественным было бы возложить работу по «раскрепощению женщин от чада кухни, примуса и ига пелёнок и горшков» на женотдел окружкома, правда, теперь уже именовавшийся женсектором. Но тот не действовал, по словам некоей «раборки», то есть рабочей корреспондентки, пребывавал на замке: «Заведующая в командировке. Две заместительницы ничего не делают. Нужно их подхлестнуть».

Попутно с борьбой за новый быт досталось и городским модницам, «притупляющим нюх революционного человека».



Курсанты оборонного кружка. Вторая слева — Ю. Малькова.
Ф 3271



Городские комсомольцы-синеглазники.
НВФ 4174



Синеблузники демонстрируют физкультурные
«фигуры».
НВФ 4177



Памятник Лаперузу, 1928 г.
НВФ 787



Панорама Петропавловского Ковша. Фотография Е. А. Колмакова.
НВФ 9433

*Взглянешь на её, аж жуть берёт!
Ни тебе пользы для общества, ни тебе вреда!
И такое эфирное созданыще...
Так и хочется сказать ей пару тёпленьких слов.*

«Может быть, они созданы специально для употребления “косметики”... Может, на них красочно-москательные фабрики пятилетний план построили? ...Лежат трупами на подмостках нового быта и, разлагаясь, заражают молодёжь. Жаль, за что только их учили, за что государство им передало знания, когда они, как в гробу, лежат бесполезно для будущего общества».

Тема общепита нашла продолжение в апреле, когда редакция главной государственной газеты «Правды» при участии самых высоких московских инстанций, вроде Центральной контрольной комиссии Рабоче-Крестьянской Инспекции, Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, Союза Нарпита, Колхозцентра, Совхозцентра и прочих объявили о начале всесоюзного смотра общественного питания. Его важнейшей составной частью должны были стать местные смотры столовых всех форм общественного питания: в совхозах, колхозах, школах, на предприятиях, в учреждениях, жилищных кооперативах и прочие. Мероприятие также охватило и деятельность руководящих хозяйственных органов, ведавших общепитом. К таковым в Камчатском округе относились АКО, Интегралсоюз, жилкооперация, окрздравотдел, окротдел народного образования и другие. В ответ на это известие работники народного питания, что называется, «взяли по козырёк» и объявили себя «мобилизованными на работу по смотру».

Смотровая комиссия утвердила его план. В него, в частности, входили проведение 3 мая во всех столовых митинга «Задачи смотра» и выбор смотровых бригад; общегородское собрание в клубе 5 мая под лозунгом «Мы новый быт построим» с докладом «Отчёт кооперации о работе по общественному питанию». Обследование работы столовых смотровыми бригадами должно было завершиться не позже 9 мая, а 15-го числа в клубе на общегородском собрании докладом редактора «Полярной звезды» подводились итоги всей этой кипучей деятельности.

Известие о смотре вызвало много откликов трудящихся. И это не удивительно: значительная часть пребывавших в городе не имела собственного угла и была вынуждена пользоваться услугами общепита. Отклики не только обрисовывали имеющееся положение дел, но содержали предложения по их налаживанию. Вот некоторые из них:

«В общественной столовой дело поставлено весьма неважно. На обед всегда дают: на первое брандахлыст, иначе чуть не ведро воды с помоями, а на второе — всегда мясо с макаронами или рисом. Никакого разнообразия. О качестве подаваемых блюд и говорить не приходится. Оно ниже всякой критики. Разнообразить меню, сделать его более вкусным и питательным, несомненно, можно. В АКО имеются на складах фасоль, сушёные фрукты, которые можно было бы использовать. Легко и просто жить по поговорке: “Сапожник без сапог”, а столовая Камчатки — без рыбных блюд. Между прочим, при соответствующей заготовке рыбное меню может быть чрезвычайно разнообразным. Само собой разумеется, что оно необходимо с точки зрения правильного питания и с точки зрения экономного потребления мясных продуктов, завоз которых очень дорог».

В кооперативной столовой тоже выявились факты «бесхозяйственности, шкурордёрства и полнейшего игнорирования интересов столовника-потребителя». Здесь смета составлялась из расчёта на триста обедов, а отпускалось около ста шестидесяти, из них шестьдесят — на дом. Чай и хлеб стоили одиннадцать копеек в день на одного столующегося. На дом их не давали, скидок не делали, а в смете «эти довольно приличные остаточки» не отражались. Вызывал удивление штат столовой. Пять кельнерш обслуживали сотню обедающих. При этом все они толкались у единственного окошечка, через которое обеды отпускали три повара: старший, его замзав и просто повар, и один рабочий. Оклады старшего повара, его заместителя и заведующего столовой были гораздо выше, чем обычный «госнормированный» поварской в сто пятьдесят семь рублей.

«Кооператив “накинет”, да столовая “набросит” законно, да на бесхозяйственность надо накинуть, и выходит, что обед, красная цена которому полтинник или шестьдесят копеек, отпускается в кооперативной столовой за рубль двадцать. Понятно, что столовники воют от обедов, “плачут, да берут”, потому что некоторые вынуждены брать. А где же принципы общественного питания, которое “является первым шагом к организации нового быта” и так далее? Обо всех этих принципах кооператив совершенно позабыл»...

2 марта разразилась очередная кампания, теперь в форме «культурно-бытового похода». Объединённые в несколько групп культпоходовцы осмотрели жилые и общественные здания. Результаты не порадовали.

Пять активисток посетили заезжий «Дом крестьянина». Их встретили грязные стены, украшенные затейливыми узорами паутины. Похоже, что их никогда не обметали и не белили. Здесь царил холод, несмотря на топившиеся печи: дом был старый, поэтому всё тепло уходило через многочисленные щели на улицу. Вентиляция отсутствовала, кроватей постояльцам не хватало, и им частенько приходилось спать на одной вдвоём. А от этого возникала «боль в боках», на которую теперь можно было пожаловаться бдительным следователям. Отдельной комнаты для женщин не было, поэтому они помещались вместе с мужиками. Из-за отсутствия шкафа или полки продукты, привезённые селянами, хранились в узелках на полу, «что, конечно, не гигиенично». Кроме этого, «участницы похода отметили такое ненормальное явление, как проживание в кухне совершенно постороннего семейства». Около дома отсутствовали специальные привязи для собак. Это были «бытовые» недостатки. Но и по «культурной» части было что улучшать. Для её организации к дому были прикреплены ячейка АКО и школа-девятилетка, «но они ничего не делали, только убрали красный уголок и написали несколько плакатов». Агитационно-пропагандистской литературой дом снабжался недостаточно, к тому же встречались книги, непонятные малообразованным крестьянам.

Ещё одна группа осматривала жилые дома, принадлежавшие горкомхозу. Выяснилось, что в доме № 12 плохо проконопачены капитальные стены, «отчего и заводится сырость». Печи нуждались в капитальном ремонте. Особо отмечено ужасающее состояние общественных уборных. Единственный комхозовский ассенизатор не поспевал вовремя удалять продукты жизнедеятельности многочисленных обитателей коммуналок. Оборудованных помойных ям не было, почему отходы выливались прямо в снег.

Ещё безобразнее выглядел дом № 8: «Лестницы грязны, валяется всевозможный мусор, окурки, кругом плевки. Угол лестничной клетки с главного входа под лестницей превращён в уборную. Делегатки обнаружили явные следы мочи. По рассказам жителей этого дома, кто-то частенько ночью вместо того, чтобы выйти на улицу, производит свои естественные отправления в углу прихожей». Картину завершали банки из-под керосина, полные помоев, стоявшие, словно часовые, около дверей каждой квартиры со стороны лестницы. На естественный вопрос проверявших, почему помои своевременно не выносятся на улицу, последовало заявление, что их выносят только тогда, «когда на это имеется свободное время. А если свободного времени не окажется, то и помои стоят несколько дней», естественно, вовсе не озонируя окружающий воздух. В этом доме сложилась и ещё одна «традиция»: трясти от пыли одеяла и половики на лестнице, а не на улице.

«Не коммунальный дом, а коммунальная уборная», — сделали справедливый вывод проверяющие.

И без того весьма суровый и неустроенный быт многих петропавловских семей порою усложнялся и непростыми взаимоотношениями с соседями. Примеров этому было, хоть отбавляй. Возьмём дом, что против столовой кооператива. Сюда в проходную комнату вселили четверых моряков, списанных за пьянство с аковского катера «Командор». В соседней комнатухе теснилась семья с детьми-дошколятами, рядом обитали тоже семейные с малолетними ребятами. В доме не было ни одной двери: комната от комнаты отделялись занавесками. «Ежедневно в проходной комнате у моряков пьянка, гости, разлитое море. Мат висит в воздухе, не смолкая. Ребята спрашивают объяснения “непонятных слов”, которые употребляют разгулявшиеся

моряки. “Должно быть, это они говорят по-американски”, — решают, наконец, дети. Ежедневно детям приходится проходить и слышать всякую мерзость. В углах комнаты — кучи пустых бутылок, на полу валяются грязные бинты, окурки, мусор».

13 марта агентство Совторгфлота получило из Владивостока телеграмму, сообщавшую о времени выхода судов в открывающуюся навигацию. Первый «срочный» пароход должен был отправиться из Владивостока 20 марта и идти только в Петропавловск. Второй рейс начинался 10 апреля, обслуживал Петропавловск, Усть-Камчатск и Командорские острова. Третье плавание намечено на 20 апреля по маршруту Петропавловск — Калыгерь — Жупаново, затем 5 мая: Петропавловск — Усть-Камчатск — Корф — Топата. 20 мая первый пароход отправлялся в Анадырский район. На западное побережье Камчатки первый «срочный» рейс запланирован на 15 мая. В «несрочные», то есть не придерживавшиеся строго расписания, плаванья в течение марта на западное побережье отправлялись двенадцать судов и одно — в Усть-Камчатск.

14 марта исполнилось пять лет со дня организации в Петропавловске Камчатского краеведческого общества. По этому случаю был устроен вечер, на котором с докладами «История открытия и колонизации Камчатки» и «Перспективы Камчатки» выступили активные краеведы Новограбленов и Прокофьев. При обществе действовал ряд отделов, в том числе экономический, информационный, издательский, юных краеведов, сельскохозяйственный. Контора АКО выделила полторы тысячи рублей на экономическую работу и расходы по приведению в порядок и составлению описей геологических коллекций музея.

Недавно краеведы получили известие от академика В. Л. Комарова, что начало Камчатской комплексной экспедиции Академии наук СССР отложено на два года. В ответной телеграмме общество, «считая это решение не соответствующим тому вниманию, которое в настоящее время уделяется развитию и использованию естественных и производительных сил округа», настаивало на организации посылки экспедиции уже в текущем году.

26 марта из селения Жупаново прибыл «красный обоз» в составе тринадцати собачьих упряжек. Обозники привезли и сдали фактории АКО сорок одну соболиную шкурку. Аковцы устроили селянам торжественную встречу, организовали их угощение в красном уголке своей конторы. Охотников приветствовали представители разных городских организаций.

30 марта пришёл первый пароход навигации — совторгфлотовская «Колыма». Она доставила в Петропавловск заведующего будущей тресколовой базой, которую АКО намеревалось развернуть на берегу Авачинской губы, рабочих и материалы для постройки барачков. Обрато во Владивосток «Колыма» намеревалась отправиться 5 апреля. На ней на краевую партконференцию отъезжала камчатская делегация.

1 апреля всем городским учреждениям установлено начало рабочего дня с восьми часов утра.

Из японского порта Хакодате в Озерную вышел пароход Совторгфлота «Лазо». На нём на место работы следовало руководство третьего рыбоконсервного завода АКО. Отныне в связи с намеченным переездом правления общества в Петропавловск управление рыбными промыслами зимой должно было оставаться на местах.

Союз совторгслужащих начал проводить медосмотры и изучение условий работы женщин, занятых в учреждениях и на предприятиях. Заработали обследовательские комиссии. Они ставили своей задачей выявить, «насколько у нас трудящиеся женщины нуждаются в улучшении своего здоровья, в посылках на курорты, дома отдыха и прочее». Осмотры и обследования должны были завершиться не позднее 15 мая.

3 апреля в клубе состоялся многочисленный митинг под лозунгом «Долой провокаторов в рясах!» Поводом для него стал недавний призыв папы римского ко всем церквям мира выступить против СССР. Трудящиеся Петропавловска вынесли единодушный протест против готовящегося очередного «крестового похода». В резолюции митинга отмечено, что «буржуазия использовала и будет использовать все средства для организации второй интервенции против нашей страны. В этом отношении призыв папы... ничем не отличается от той роли, которую играла церковь в годы граж-

данской войны, а лишь лишний раз подтверждает, что религия и церковь всегда вместе с белогвардейщиной выступают против рабочих и крестьян. Все служители всех культов являются агентами капиталистической системы, в защиту которой всегда и всюду активно выступают... Трудящиеся заверяют партию и правительство, что все мероприятия, направленные к охране наших границ, будут защищать по примеру нашей Особой Дальневосточной Красной Армии».

В знак поддержки политики большевистской партии митингующие одобрили выпуск нового займа пятилетки в четыре года и линию на «ликвидацию кулачества как класса». В ответ на призыв «католического мракобеса — папы римского» — решено: всем вступить в Союз безбожников и Осоавиахим.

К ним присоединились и служащие Петропавловского маяка. Все они тоже решили записаться вместе с семьями в Союз безбожников, а их жёны — так ещё и вступить в оборонное общество. В ответ на «выступление буржуазных приспешников-церковников» маячники отчислили однодневный заработок в шестьдесят два рубля с полтиной на постройку «боевого военного корабля» и призвали к этому шефов Красного Флота — городскую комсомолию и водников.

Враждебная вылазка католических церковников очень вовремя напомнила о забытых собственных. Например, о необходимости ликвидации городского собора, тем более, что приближалась очередная пасхальная неделя. Свой вклад в общее антирелигиозное дело внесло и объединённое пионерское собрание. «Заслушав доклад о крестовом походе папы римского, категорически настаиваем перед окрисполкомом о немедленной передаче Петропавловской церкви под культурный очаг. Передача должна быть сделана как можно скорее, чтобы празднование Пасхи не было проведено».

Вскоре горсовет постановил: предоставить обществу верующих под молитвенные собрания часовню на кладбище, а здание собора «ввиду жилищного кризиса и недостатка помещений для культурно-просветительной работы» приспособить под культурные надобности.

3 апреля организована радиоредакция во главе с редактором «Полярной звезды» Н. Я. Биссенек, назначенным на должность в январе этого года. Начало передач намечено на середину апреля, их содержание должна была составить преимущественно местная хроника.

Объявлено об организации «литературного суда» над и так несчастным студентом Раскольниковым в связи с предстоящей демонстрацией кинокартины «Преступление и наказание».

Начался пятидневник смотра работы по ликвидации безграмотности.

Получено сообщение, что почта, отправленная в Анадырь ещё в декабре прошлого года, получена там 28 марта.

«Налёт» обследовательской бригады по проверке хода социалистического соревнования в магазинах АКО и кооператива «выявил ряд ошибок и халатного отношения к соревнованию. Вынесены практические предложения». В торговой сети было, что улучшать. Например, упорядочить очереди и как-то ограничить количество продававшегося в одни руки. Рабочий жаловался: «В магазине АКО часто приходится стоять в хвосте перед закрытием магазина часа по полтора, и потом услышать: “Больше чеков не выписываем”. Уходишь, не солоно хлебавши. Следовало бы закрывать дверь в магазин пораньше, но удовлетворить всех, находящихся в магазине, чтобы им не приходилось напрасно стоять в хвосте». В этой торговой точке славилась своей грубостью по отношению к покупателям продавщица Колобова: «На требования публики отпускать товары в порядке очереди возмущено кричит: “Я сейчас уйду и не буду отпускать совсем!”, а сама под шумок отпускает своим знакомым, которые не хотят торчать в очереди».

Похоже отзывался один служащий и о кооперативной лавке: «Когда привезут балыки... их продают всем и в любом количестве. Распродадут в два часа, а служащим и рабочим ничего не достаётся, потому что они не успели купить. Следовало бы всё-таки не давать много балыков в одни руки, а распределять их хотя бы по книжкам».

5 апреля стало известно, что первый пароход АКО выйдет из Владивостока 15-го числа. Он повезёт оборудование для вновь организуемой на берегах Авачинской губы (в бухте Тарья) тресколовной базы, зайдёт на Командоры.



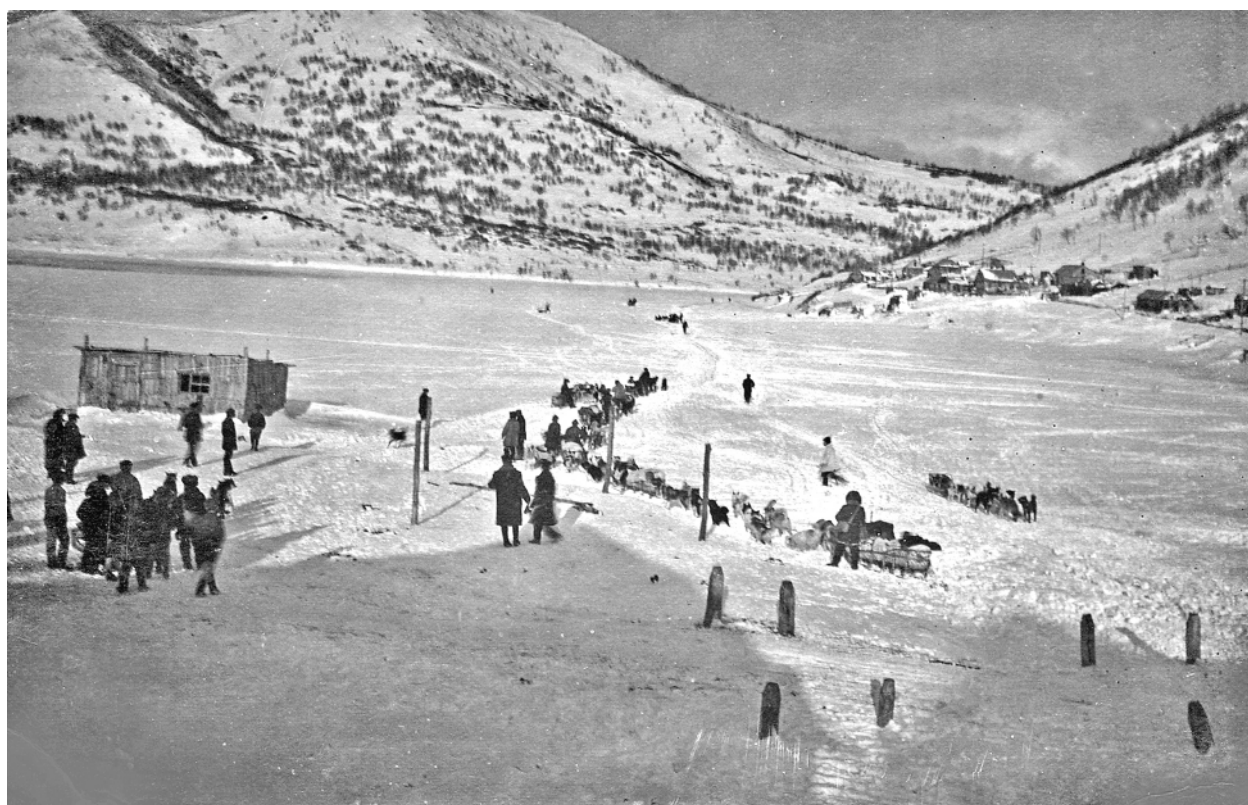
Первый теплоход Акционерного Камчатского общества «Охотск» в Ковше
Петропавловского порта. Май 1930 г.
ККМГИ 6040



Петропавловск, улица Ленинская, 1 мая 1930 г.
ККМГИ 22939



Из города в деревню. Собачий обоз на льду Култучного озера, 1930 г.
ККМГИ 21354



Из города в деревню. Проводы собачьего обоза. Справа — улица Набережная. 1930 г.
ККМГИ 21368

6 апреля объявлено о приобретении АКО китобойного судна «с подсобной флотилией». Речь шла о будущей первой советской китобойной базе «Алеут» — ранее американском пароходе «Глен Ридж». Его намеревались переоборудовать на ленинградской верфи. «Китобойный промысел в крае имеет большие перспективы и впервые организуется в широких размерах советской организацией. Судно, приобретённое АКО, обладает грузоподъёмностью в семь тысяч тонн».

Заведующий учебной мастерской В. М. Адамов в очередной раз обратился через «Полярную звезду» к общественности по поводу предстоящего осенью, с началом нового учебного года, преобразования мастерской в полноценную трёхгодичную профшколу, обучающую не только столярной, но и слесарной специальностям. Насколько камчатское население нуждалось в таких мастерах, свидетельствовало число поступивших в мастерскую заказов. А обычный заработок столяра-плотника на сделанных работах достигал весьма приличной суммы в пятнадцать-двадцать рублей в день. На селе обычная табуретка стоила до десяти рублей, и это при обилии леса.

По словам заведующего, «мастерская существует не для того, чтобы, вырабатывая различные вещи, выручить как можно больше денег. В первую очередь мастерская стремится дать для учащихся навыки по столярному делу, и только для этого принимаются заказы на столярные изделия, причём принимаются не только те заказы, которые подходят к намеченной программе. Мастерская готовит из учащихся — столяров, которые по окончании мастерской будут удовлетворять потребности населения в столярных изделиях». Из сказанного, казалось бы, должно было вытекать, что властным инстанциям следовало уделять ей особое внимание, но этого как раз и не наблюдалось. Смету мастерской с двадцати пяти тысяч рублей уменьшили вдвое. Для задуманного постройки ещё прошлым летом собственного здания земельная комиссия горсовета выделила участок, «годный не для учебного заведения, а разве для скотника». После жалобы в окрисполком дали участок получше, но недостаточный по площади.

С осени прошлого года в мастерскую на первый год обучения приняли всего семейных, причём лишь трое приехали из деревень. Даже места для стипендиатов остались незаполненными. Похоже, что здесь не сработали районные исполкомы: не может быть, чтобы не нашлось молодых селян, желавших жить и учиться в городе на всём готовом и совершенно бесплатно!

8 апреля утром в районе радиостанции (нынешняя улица Радиосвязи) прошло стрелковое соревнование среди команд и одиночных охотников.

10 апреля по Камчатскому округу развернулся сбор средств на строительство авиаэскадрильи «Наш ответ папе римскому». С таким начинанием выступил центральный совет Осоавиахима. «Пусть знают попы, патриархи и епископы, что Советский Союз в ответ на их “святые” разбойничьи кляузы бросит на штурм богов и царей новую эскадрилью стальных птиц, стражей пролетарского отечества!»

Кстати, недавно второй пленум Центрального совета Осоавиахима повысил размер членских взносов. Теперь лица, получавшие в месяц свыше ста пятидесяти рублей, платили в год по трёшке.

Школьный совет совместно с комитетом содействия (комсодом) и ученическими организациями устроил вечер под лозунгом «Всё для посевкампании» в пользу школьного огорода. Чистый сбор составил около четырёхсот рублей. Учащиеся девятилетки и комсомольцы заготовили для будущего коллективного огорода четыреста пятидесяти кольев. За их доставку возчики запросили аж двести рублей! Теперь школьники намеревались вывести колья собственными силами, для чего на днях собирались отправиться в лес с санками и верёвками.

Модельный кружок, действовавший при школе второй ступени, завершал ремонт планера. Его старт намечался на двадцатые числа апреля. К полётам готовились и модели планеров, сконструированные школьниками. Впервые над Камчаткой настоящий планер поднялся четыре года назад — в праздничный день Парижской коммуны 18 марта 1926 г.

Состоялся вечер творческих коллективов клуба ССТС. На нём свои достижения продемонстрировало большинство кружков. Драматический выступил с юмореской,

«ярко рисующей бюрократическую заразу». Хор исполнил русские и украинские песни. Физкультурный кружок показал силовые номера, которые можно было оценить как достижение, «если бы они не были поставлены специально для отчётного вечера, без длительной, последовательной тренировки». Итальянский шумовой и духовой оркестры «при наличии твёрдой сознательной дисциплины могут дать из своих рядов ряд блестящих музыкантов, а также улучшить музыкальность и содержательность своего репертуара». Общее мнение свелось к тому, что клуб по сравнению с прошлым годом заметно окреп. При нём сложилось творческое ядро из комсомольцев и молодёжи, но среди них пока что имелся «недостаточный процент восточников». Конечно, из-за загруженности основной и общественной работой, участники кружков не могли регулярно собираться на репетиции, что сказывалось на их артистической «квалификации». «В работе кружков слаба дисциплина, нет плановости и, главное, чёткого руководства. В некоторых кружках, как, например, музыкальном и хоровом, нужна помощь и некоторая встряска». Тем не менее, клубу пора было «готовиться к вылазке на летнюю эстраду и кино. Надо всколыхнуть всех членов и общими силами оживить город культурными развлечениями и правильным физическим и духовным воспитанием молодёжи».

13 апреля выяснилось, что в условиях ограниченных продовольственных запасов «вырисовывается перед Петропавловском определённая угроза — остаться на следующий год без картофеля». Виновник — городской кооператив, заготовивший против предписанных тысячи двухсот пудов семенного картофеля пока только шесть. «Значительная часть картофеля, взятого на учёт как семенной материал съедена. Положение с семенным картофелем угрожающее». Начали приниматься срочные меры. Секции горсовета: торгово-кооперативная, коммунальная и народного образования назначили три «тройки» по заключению договоров на скупку излишков семенного картофеля, которого насчитали только шестьсот пудов. Однако владельцы не спешили сдавать их в кооператив, отчего и возникла угроза срыва посевной огородной кампании. Вроде бы и закупили в селениях Тарья и Паратунка более трёхсот пудов семян, но пока ни один из них не пришёл и, по мнению председателя кооператива, «не будет получен».

Пока же в кооператив прибыли сельскохозяйственные орудия, предназначенные для колхозов — сенокосилки, плуги, бороны и прочие. Появились и сани, «хотя сезона на них нет».

Изъятие излишков семенного картофеля производилось в принудительном порядке. Так, 7 мая президиум горсовета известил его владельцев, что при вскрытии ям с «картофелем» им предлагается пригласить одного из членов комиссии, избранной общим собранием граждан города. В состав комиссии входили Хабаров, Святой, Бандурин, Совсуненко и Черепанов. «На испорченную картофель надлежит составлять акт. Вынутую из ям картофель надлежит сдать кооперативу в том количестве, которое будет определено излишком при вскрытии ям. В случае наличия помещения для хранения картофеля, владельцы её должны сохранить у себя до 20 мая сего года, а затем сдать правлению кооператива».

15 апреля, отмечая свой «пятилетний юбилей всесторонней деятельности, краеведческое общество провело вечер. Активный участник общества, заведующий музеем П. Т. Новограбленов прочитал лекцию «О прошлом Камчатки», а краевед Прокофьев — доклад «Будущее Камчатки». Организована выставка литературы о полуострове, продажа краеведческих изданий и фотоснимков.

Начальником городской пожарной дружины назначен Н. П. Шевченко. С ним следовало связываться по всем вопросам пожарной охраны.

Окружной Совет воинствующих безбожников обратился в свои районные бюро с письмом о начале антирелигиозной кампании.

17 апреля объявлено, что по решению правительства СССР объединяются Петропавловское агентство Совторгфлота и приписной пункт Владивостокского торгового порта (то есть Петропавловский порт) «со всем имуществом и денежными средствами». Объединённое учреждение отныне будет именоваться «Камчатским агентством морского транспорта Тихоокеанского бассейна» и подчиняться управлению морского

транспорта Тихоокеанского бассейна во Владивостоке. На оборудование агентства морского транспорта отпущены сто пятьдесят тысяч рублей.

Заключённые Камчатского окружного исправительно-трудового дома, последовав призыву надеждинской колонии, внесли девяносто пять рублей на постройку самолёта «Имени трудового общежития» и обратились за поддержкой ко всем «местам не столь отдалённым» Дальнего Востока.

Распределитель Интегралсоюза начал выдачу по килограмму колбасы стоимостью четыре рубля восемьдесят копеек. Несмотря на высокую цену продукт, к удивлению потребителей, оказался испорченным.

19 апреля пароход Совторгфлота доставил восемьдесят плотников для разворачивавшегося в городе строительства. Шанхайский фрахтованный пароход «Нэнси Моллер» привёз экспедицию Добролёта (Российского общества Добровольного воздушного флота) из семи инженеров и топографов. Добролёт был основан в 1923 г. с целью развития гражданской авиации. Экспедиция намеревалась выполнить съёмку берегов Авачинской губы с целью изучения её пригодности для постройки гидроаэродрома. С первым пароходом АКО, направлявшимся на Север, экспедиция намеревалась проследовать в Уэлен. В августе в Петропавловске ждали самолёта, который должен был совершить пробные полёты и определить пригодность намеченных экспедицией площадок для постройки гидроаэродромов. Первый полёт гидроплана по Охотско-Камчатской авиалинии состоялся в январе 1933 г., а камчатское авиаподразделение было создано 1 ноября 1936 г.

20 апреля в школе-девятилетке отшумел антирелигиозный вечер. Тесное помещение не вместило не только всех желавших присутствовать, но и половину учащихся. Это вновь заставляло задуматься о необходимости организации специального детского клуба. Подобное действо под лозунгом «Долой поповский дурман!» развернулось и во «взрослом» клубе и тоже при переполненном зале, затянувшись до трёх часов ночи. И здесь «многие желающие участвовать на вечере не могли поместиться в зале и стояли в передней и фойе». Вывод напрашивался сам собой — вопрос о постройке нового клуба дальше оттягивать невозможно. А за ним следовал и второй — раз городской собор, вмещавший свыше трёхсот человек, в пасхальный день был почти пустой, то Союзу безбожников «надо острее ставить вопрос о передаче церкви под культурные надобности и не останавливаться при первой неудаче».

Ячейка Союза безбожников, действовавшая при административном отделе окр-исполкома, вызвала на социалистическое соревнование ячейки коллективов связи, АКО, медикосантруда, строителей, транспорта, райкомвода, просвещенцев, совхоза и окрфинотдела. Условия победы в соревновании: стопроцентное вовлечение в работу членов коллектива и их семей. Лозунг дня: «Ты ещё не записался в Союз безбожников?»

21 апреля в клубе ССТС в семь вечера открылась общегородская конференция молодёжи, посвящённая двухнедельнику вербовки в ряды МОПР.

23 апреля по радио говорил секретарь окружкома ВКП(б) Н. Д. Зыкин. В коротком выступлении он осветил основные вопросы строительства Камчатки и ход выполнения пятилетки. «О Камчатке пишут, и пишут очень многие журналисты и репортёры, но пишут они исключительно о камчатских вулканах, о богатой природе и ни звука не пишут об основном: об экономике Камчатки и о выполнении её пятилетнего плана. Рыба в экономике Камчатки занимает первое место». Говоря о развертывании рыбной промышленности, «начальник Камчатки» коснулся строительства рыбоконсервных заводов, их оборудования и рабочей силы. Особенно подробно он разъяснил «поворот к сельскому хозяйству, рост коллективизации камчатской деревни, имеющиеся искривления и перегибы в колхозном движении, значение колонизации и намечающиеся мероприятия в этой области». В заключение оратор коснулся вопросов транспорта и связи, в частности отметил значение экспедиции Добролёта и организуемого на полуострове воздушного сообщения (как раз сейчас рассматривалась возможность прокладки воздушной трассы Петропавловск — Уэлен).

25 апреля из Владивостока пришёл японский пароход «Кашин-мару» с оборудованием будущей тресколовной базы. На нём прибыло около полутора сотен рабочих, высадившихся в бухте Тарья и начавших сборку доставленных судном домов.

30 апреля из Владивостока в Петропавловск отправился колонизационный отдел АКО в составе пятнадцати работников. Правление АКО приняло, а Далькрайплан утвердил численность переселенцев на Камчатку в текущем году — четыреста девяносто человек, в том числе в Петропавловск — сто тридцать два. Помимо них, в городе в мае ждали ещё восемьдесят пять «кустарей».

Завершился шахматный турнир, организованный окрисполкомом. В нём участвовало одиннадцать человек. Первое место завоевал И. Т. Новограбленов, взявший четырнадцать с половиной очков из двадцати возможных, второе — В. Ф. Комаров и В. Е. Глаголевский, третье — В. Ф. Богатырёв. «Игра шла очень дружно, привлекающая посторонних зрителей. Жаль только, что женщины почти не участвуют в игре. Шахматная игра — это не простое развлечение, а один из видов физкультуры, и на развитие его у нас по Союзу обращено особое внимание. Шахматная игра развивает и дисциплинирует работу ума, приучает к выдержке, к строгому расчёту, так необходимым нам в нашей хозяйственной работе». Всех интересующихся шахматной игрой к двенадцати часам дня 2 мая приглашали в клуб ССТС: «Будем обсуждать, как оживить работу по шахматам».

Началась подготовка к Первомаю. Школьный комсод на последнем заседании решил выдать ученикам младших групп подарки с конфетами (тогда говорили «конфеты») и пряниками, а для старших — устроить чаепитие. Служащие маяка и члены их семейств распределили между собой обязанности по организации достойной встречи праздника. Одни украшали ленинский уголок, другие приводили в порядок общежитие, третьи писали лозунги. В праздничный день маячники намеревались заслушать торжественный доклад и провести стрелковые состязания.

4 мая женское делегатское собрание обсудило доклад о ходе смотра общественного питания. Многие делегатки внесли ряд ценных предложений. Они говорили о дороговизне питания в столовых, необходимости удешевить его и тем самым сделать доступным для семейных горожан, предлагали отпускать продукты в столовые по себестоимости, негодовали на то, что иные и паёк получают, и обедают, и ужинают в столовой. Предлагали назначить заведующей столовой женщину, а также организовать «питательный пункт» для прибывавших в город переселенцев. Собрание выделило десять активисток для участия в дальнейшем обследовании общепита.

5 мая по постановлению президиума горсовета от 14 апреля в двенадцать часов дня в помещении горместхоза состоялись закрытые торги на монопольное право производства ассенизационных работ в городе.

Наступила весна. Петропавловск утонул в грязи. Отбросы, нечистоты, выливаемые и выбрасываемые зимою на снег, теперь вытаяли, наполняя улицы зловонием. Так недолго было и до эпидемии. Единственный ассенизатор — китаец, взявший фамилию Ильин, не справлялся с очисткой города. «Сейчас к Ильину на поклон идёт и стар, и млад: смилуйся, батюшка, вывези, весной потечёт... А он захочет — вывезет, захочет — нет...»

Теперь подряд на ассенизационные работы взял некто Сунцисин. Всем учреждениям, организациям и гражданам следовало обращаться к нему по адресу: улица Таможенная, дом № 25. Ассенизаторские работы производились по тарифам, утверждённым горсоветом 30 марта. Удаление кубометра нечистот из уборной стоило двадцать, очистка помойной ямы — пятнадцать рублей. За воз мусора следовало заплатить четыре целковых. Рассчитывались непосредственно с трудившимся ассенизатором. В случае его отказа от производства работ нужно было заявить в горместхоз.

11 мая на пароходе Совторгфлота «Астрахань» в распоряжение окружного отдела народного образования по направлению Дальневосточного краевого отдела приехали четыре молодых учителя — выпускники Хабаровского педтехникума. Тут и выяснилось, что их никто не ждёт, вакантных мест в школах и дошкольных учреждениях округа до 15 августа не предвидится, средств для содержания начинающих педагогов нет, жилья тоже. Пока же им предлагали отправиться «порыбачить». Иначе как «возмутительным безобразием» назвать происходившее было нельзя.

19 мая известный городской фотомастер Е. А. Колмаков известил, что «его фотопавильон закрыт для съёмки».

25 мая начался пионерский двухнедельник «За здоровую смену». Одновременно шёл медосмотр школьников для отбора их на «детские площадки», сейчас бы сказали, что в летние пришкольные лагеря.

Стало известно, что захворал заведующий колонизационным отделом АКО. «Заболевание подозрительно на тиф, надо принять меры, чтобы не проявилась эпидемия».

26 мая на заседании краеведческого общества вернувшийся в Петропавловск вместе с оператором кинорежиссёр А. А. Литвинов сообщил о работе экспедиции «Совкино». Она уже больше года ездила по округу, сняв три фильма: «Коряки», «Ламуты» и «Экономика и этнография Камчатки».

Учащиеся седьмой и восьмой групп школы-девятилетки начали соревнование по сбору средств на постройку подводной лодки.

Объявлено об организации при женской консультации кассы взаимопомощи матерей. Цель кассы: обеспечить нуждающихся мамаш в городе и деревне всеми видами помощи в воспитании ребёнка. Это позволило бы улучшить охрану материнства и младенчества и уменьшить детскую смертность и беспризорность.

27 мая заведующий торговым отделом кооператива распорядился, чтобы весь выпеченный хлеб отдали стоявшим в порту пароходам. На дверях пекарни он повесил объявление: «Хлеба сегодня нет, и не будет». Оставшиеся без него недовольные обыватели объясняли заведующему-головотяпу, что с судов надо брать предварительные заявки и уже по ним «производить добавочные выпечки, чтобы не лишать горожан хлеба».

Окружной совет физкультуры открыл занятия на семинаре по подготовке руководителей секций в кружках физкультуры. Одновременно вожатые пионерских отрядов осваивали физкультурные комплексы по программе пионерских слётов. Всё это случилось вовремя: в июне намечался городской «двухнедельник». Его цель: «мобилизация общественного внимания вокруг вопросов физкультуры». Для проведения массовых игр горсовет отвёл площадку за Култучным озером.

28 мая объявлено о национализации маломерного флота. Камчатское агентство морского транспорта предложило частным судовладельцам передать ему морские моторные суда грузоподъёмностью свыше пятидесяти тонн (кроме рыболовных), а также более мелкие плавсредства, если их было больше двух. Петропавловские судовладельцы были обязаны сделать это в трёхдневный срок, вместе со всеми материалами и инвентарём. Они предупреждались, что в случае отчуждения, увода за границу или повреждения своих судов, а также при непредставлении в срок без уважительных причин судовых документов будут привлечены к уголовной ответственности «за сокрытие или повреждение государственного имущества».

30 мая подведены некоторые итоги пионерской пушно-заготовительной кампании. Во всех трёх отрядах прошли беседы об её значении. Как и было намечено, пионеры, имевшие в деревнях родственников и знакомых, написали им письма с призывом сдать всю заготовленную пушнину. Вместе с комсомольцами они провели три «вылазки» в сёла Авача, Халактырка и Налычево, где рассказали местным обитателям о важности пушных заготовок, причём «во время этих вылазок добились от сельских обществ постановлений о стопроцентной сдаче пушнины». Весь ход кампании широко освещался в стенных газетах.

1 июня на пароходе «Муроран-мару» в Петропавловск прибыл японский дипломат — консул Сайто.

В городе объявлен «двухнедельник чистоты». Всем учреждениям и частным лицам предписано привести в надлежащее санитарное состояние свои участки и дворы, очистить помойные и мусорные ямы и уборные, вывезти нечистоты на свалку и обработать их и уборные карболкой, известью или дёгтем. Не выполнившим означенное за две недели обещан штраф.

3 июня объявлены правила поступления в вузы и техникумы. По распоряжению Наркомпроса РСФСР местным отделам народного образования разрешено организовывать испытательные комиссии желающим заниматься в подведомственных ему учебных заведениях. Такую комиссию в Петропавловске создали при школе-девятилетке.

Испытания намечено произвести до 15 июня. Выдержавшим обещаны «особые удостоверения на право поступления».

Школу-девятилетку в этом году оканчивали двенадцать учащихся, десять из них изъявили желание ехать в деревню учителями, двое готовились поступать в вузы. В прошлом году картина была примерно такая же: из тринадцати окончивших одиннадцать отправились учительствовать.

Горсовет объявил о предстоящей в октябре постройке одного двухэтажного жилого дома стоимостью семьдесят тысяч рублей. Его в разобранном виде ожидали с пароходом из Владивостока. Место под стройку отвели рядом с кооперативом.

10 июня в семь часов вечера прозвучал первый выпуск камчатской радиогазеты. Последующие обещаны раз в пятидневку в это же время.

24 июня хорошо известный горожанам японский пассажирский пароход «Муроран-мару», шедший в тумане, всем корпусом наскочил на камни с восточной стороны мыса Лопатка в ста саженях от берега. Он шёл на Западную Камчатку с грузом пустых консервных банок для японской рыбопромышленной фирмы «Ничиро». Часть груза и команду увезли в Японию, часть содержимого трюмов сложили на берегу. С разрешения советского консула из японского порта Хакодате к месту аварии прибыло спасательное судно «Сура-мару». Японские специалисты подводили пластырь к пробоине, откачивали воду и намеревались в августе с большим приливом снять и отвести «Муроран-мару» на буксире в Хакодате. Работы шли поблизости от бобровых лежбищ мыса Лопатка и заповедника и сильно тревожили их обитателей.

25 июня краснофлотцы сторожевого корабля «Воровский», побывавшие под руководством одного из членов краеведческого общества на экскурсии по памятным местам города, задали вопрос: «Почему ваши памятники, такие интересные в историческом отношении, находятся в таком небрежном состоянии?» Действительно, во многих городах Советского Союза культурное значение памятников уже было понято, принят ряд мер к их охране. В Петропавловске этого пока не было. Об обелиск командору Клерку — сподвижнику великого мореплавателя Джеймса Кука — хулиганы били бутылки, отколачивая мрамор, обливали его дёгтем. Памятники в честь Петропавловской обороны пестрели надписями, некогда обносившие их цепи были разбросаны, ограды поломаны. Горсовету следовало принять меры, а музею взять памятники под свою опеку и охранять от вандализма.

27 июня в шесть часов вечера в милицейском группоме «чистились» милиционеры Иван Кириллович Молчанов, Антон Алексеевич Ин Чан Тум, Ольга Николаевна Чекалкина, Владимир Эм, Яков Ефимович Заболотный, Сергей Васильевич Крипачёв, судья Александр Иванович Шорохов, таможенник Иван Семёнович Багаев.

29 июня, снова в шесть вечера, «чистились» работники разных совучреждений: Антон Александрович Андреев (окрисполком), Павел Фёдорович Краснов (райисполком), Ефим Викторович Хабаров, Владимир Иосифович Подкорытов, Вера Васильевна Зиновьева (типография), Андрей Иванович Зиновьев и Николай Андреевич Кравченко (АКО), Николай Петрович Шевченко.

1 июля начало действовать «передвижное агентство от Петропавловска до Жупаново с производством всех почтово-телеграфных операций в попутных селениях: Халактырка, Налычево, Островная, Калыгерь».

Учётно-распределительный отдел окрпрофбюро приступил к перерегистрации безработных. Заинтересованные лица предупреждались, что не явившиеся до 15-го числа будут сняты с учёта.

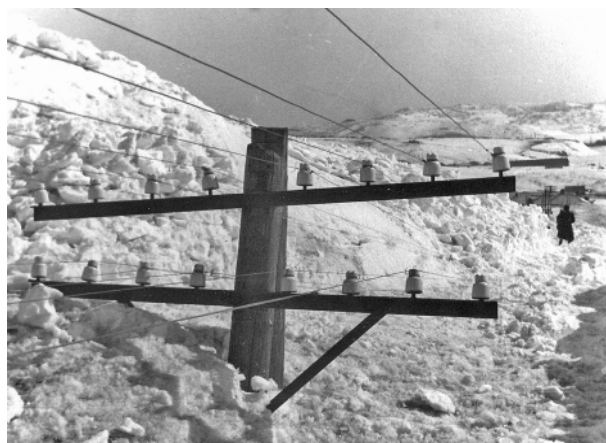
4 июля горсовет организовал в своём составе административно-правовую секцию. Члены совета и кандидаты, а также трудящиеся, желавшие участвовать в ней, могли записаться у окружного прокурора И. В. Невесенко.

На пароходе АКО «Якут» прибыли управляющий морской конторой общества, член его правления Ротенберг, директор-распорядитель по рыбным и строительным делам, тоже член правления В. Л. Бурыгин. На судне по восточному берегу полуострова следовала снабженческая экспедиция.

5 июля в помещении бывшего Дома крестьянина открылись детские ясли. Родители записали в них двадцать четыре малыша, но приносили ежедневно гораздо меньше.



Разгрузка парохода Акционерного Камчатского общества «Орочон» на лёд Авачинской губы.
ККМГИ 23503



Зимние заносы в Петропавловске.
ККМГИ 29622/39—29622/42



Сквер Свободы. Памятник Берингу.
ККМГИ 27408/420



Ледорез «Литке» у причала, 1930 г. Фото Е. А. Колмакова.
ККМГИ 28287/11

Причиной называлась слабая осведомлённость матерей и отчасти боязнь отдать своего дитя в чужие руки, а также «непривычка к коллективному воспитанию». Преимуществом яслей перед домашним воспитанием называлось лучшее и более рациональное питание и уход, «чем это он получает дома в отсутствие родителей, занятых на работе». На ближайшем собрании матерей намечалось избрать комсод яслей. Ему и следовало провести широкую разъяснительную работу среди женщин, «в особенности работающих на производстве и жён рабочих». Правда, быстро выяснилось, что помещение под ясли не очень-то и годится: тесное, сырое и находится на неудобном месте. Администрации яслей и комсоду следовало позаботиться о подборе постоянного, более подходящего здания, «потому что ясли в Петропавловске, при наличии большого количества рабочих и работниц, должны работать круглый год».

16 июля на базе школы-девятилетки путём её разделения созданы два учебных заведения: педагогический техникум и школа-семилетка. В техникуме к началу 1930/31 учебного года имелись два курса: на первом занимались двадцать четыре, а на втором — двенадцать слушателей — будущих учителей начальных классов. Предполагался их ускоренный выпуск. О принятии в школу-семилетку подано около четырёхсот заявлений.

28 июля в шесть часов вечера краеведческое общество «в связи с усилением экономического значения и увеличением населения города» устроило в клубе дискуссию по докладу Борисевича «Где быть Петропавловску».

Петропавловский совхоз приглашал на прополку огородов и другие работы мужчин, женщин и подростков. Месячная оплата взрослым — сто пятнадцать, подросткам за шесть рабочих часов — восемьдесят шесть рублей. Для сравнения: пара кожаных сапог в кооперативной лавке продавались за тридцать четыре, а в магазине АКО — за двадцать рублей.

От капитана аковской шхуны «Чукотка» пришла радиограмма: «17 июля прибыли в бухту Лаврентия. Предполагаем выгрузку закончить и следовать дальше на Чаун. 19 июля команда объявила себя ударной».

В советском обществе интернационалистов обнаружилось «искривление ленинской национальной политики», проявившееся в неодинаковом отношении администрации АКО к русским и китайским рабочим. Примером называлась кухня при бараке строителей АКОпосёлка у Мишенной сопки. Она была разделена на две части. У русских стены и печь побелены, а у китайцев нет. На вопрос: «Почему так?» — китаец ответил: «Капитана сказал, что стены и печь сырые, а поэтому не нужно белить». Какой «капитана» так искривил национальную политику, было неизвестно, но это безобразие следовало прекратить как силами судебно-следственных органов и прокуратуры, так и пролетарской общественности.

А вот ещё одно «искривление». В Петропавловске обитало довольно много «восточников», особенно из числа транспортных и строительных рабочих. Они имели свой клуб, но вот уже три месяца, как его временно заняли под жильё. Тем самым «восточники» лишились угла, где бы они могли «отдохнуть в минуту, свободную от работы, и найти разумное культурное развлечение». Клуб совторгслужащих признавался для восточных рабочих, не знавших русского языка и имевших специфическую кухню, непригодным. Вести в таких условиях массовую работу было нельзя, а значит, надо было немедленно освободить занятое помещение.

В июле же в суде разбиралось уголовное дело об избиении китайца, правда, иностранного подданного. На скамье подсудимых пребывал тоже иностранец — механик зафрахтованного Совторгфлотом парохода «Ховдрот», норвежец Христафор Мельбо. Потерпевший — пароходный служитель Хафу. «Картина дикой расправы не только возмутительна, но и отличается дерзостью и полным игнорированием советских законов, так как произошла на глазах находившихся тут же представителей власти (следователя и старшего милиционера). В салон-каюту, где по делам находились указанные представители, пришёл и сел в уголок потерпевший. Вскоре туда же вваливается здорово подвыпивший Мельбо. Увидев сидящим китайца, страшно возмутился его наглостью». Несчастный китаец не знал английского, поэтому не понял, чего от него хотят. Механик схватил служителя за шиворот, пинком вышвырнул из салона,

а в коридоре избил его. На суде норвежец объяснил, что в салон разрешается входить по распоряжению капитана лишь пассажирам первого класса, а не рядовым морякам, «да ещё развалившись сидеть на мягких сиденьях».

Советский суд, как известно, суровый, но справедливый, «не поверил сказкам Мельбо» и приговорил его к штрафу в двести рублей. «Борьба с шовинизмом в настоящее время является боевой задачей органов юстиции. Такие процессы должны проводиться показательными. Глумлениям, кулачной расправе и издевательствам над трудящимися нацменьшинства в Союзе должен быть положен конец!»

29 июля дотошный горожанин удивился очевидной, на его взгляд, глупости: «Когда посмотришь, откуда привозят иные продукты на Камчатку, то диву даёшься. Везут, оказывается, рыбные консервы и из Ленинграда, и из Одессы, и из Астрахани. Спрашивается, есть ли капля смысла в головах тех, кто завозит рыбные-то консервы на Камчатку, да к тому же из самых дальних городов СССР? Глупости бывают, однако, ещё больше. Оказывается, консервы, вырабатываемые на камчатских заводах, привозят на Камчатку же... через Владивосток».

А некто «Макс» призывал «сохранить археологические сокровища». Он усмотрел около аковской стройбазы на портовой Кошке «груды рёбер, бивней и других костей мамонта». Откуда они взялись — неизвестно, но свидетельствовали «о живших многие десятки тысяч лет тому назад исполинах ледникового периода, дальних родственниках слона — мамонтах. Мы делаем преступление перед наукой и будущим поколением, разрушая редчайшие археологические находки».

Утверждён «План проведения международного дня 1 августа». Заранее, 31 июля, город под звуки духового оркестра украшался лозунгами. По окончании работы группы проводили доклады «о значении дня», годовщине создания по решению советского правительства Особой Краснознамённой Дальневосточной армии и роли Осоавиахима. На 1 августа намечен парад-митинг на площади Свободы. Коллективы собирались на предприятиях и колоннами шли к месту построения — Дому Советов (окрисполкому). Колонны становились в следующем порядке: военные, осоавиахимовцы, мопровцы, пионеры, школьники, сандружина. Затем шли профессиональные союзы: водников, строителей, металлистов, полиграфистов, рыбаков, пиццевиков, просветителей и сотворгслужащих.

Вечером на открытом воздухе организован показ кинофильма и «живого журнала». На Тарьинскую тресколовную базу отправлялись ударная бригада и кинопередвижка. В Петропавловском совхозе читался доклад и устраивался вечер самодеятельности. На следующий день, 2 августа, празднования продолжились соревнованиями по борьбе между пограничниками и осоавиахимовцами.

1 августа на пароходе «Сергей Лазо» прибыли служащие правления АКО, или, как его ещё называли, «главной конторы». В Петропавловск уже были переведены следующие отделы общества: управление делами, экономики труда, планово-экономический, сельскохозяйственный, колонизационный, дорожно-строительный, горный, лесной, а также бухгалтерия и два бюро: рационализации и исследований. К концу августа с приездом и размещением финансового, морского и коммерческого отделов столь долго ожидавшийся перевод правления этой уникальной хозяйственной организации на Камчатку можно было бы считать осуществлённым.

Встал естественный вопрос: а где размещать прибывшую массу народа, ведь для неё требовались жильё и рабочие места. Ещё в начале года земельная комиссия при горсовете дала разрешение на снос ряда построек в центральной части города, принадлежащих как частным гражданам, так и общественным учреждениям. В их число попали баня, нарсуд, кооперация. На их месте намеревались заложить дома АКО из расчёта на три тысячи человек. Часть зданий намеревались перенести «за озеро». Многим это решение казалось нерациональным. Хотя бы потому, что каждый владелец был вправе требовать, чтобы его имущество обновили на новом месте и благоустроили участок. Это могло обойтись не в одну сотню тысяч рублей, да и «хозяйственные приспособления, накапливаемые постепенным трудом десятками лет, будут потеряны, и в результате жители казённых домов и мелкие хозяйственники, переселённые на новые места, окажутся в худшем положении».

Строительство городка АКО в сложившемся историческом центре города влекло за собой сооружение новых или расширение уже имевшихся «культурных учреждений»: школы, детсада, больницы, клуба, для коих места уже не оставалось. Потребовался бы и ряд других подсобных учреждений, вроде различных мастерских, гаража. То есть что-нибудь из перечисленного всё равно пришлось бы переносить за озеро. Было совершенно очевидно, что территория города в ближайшие годы потребует расширения, а потому комплекс сооружений АКО (вскоре прозванный АКОпосёлком или АКОградом) целесообразнее всё-таки строить за Култучным озером.

Преимуществами этого являлись, например, близость к Озерновской косе, где предполагалось оборудовать пристани для пароходов и уже стояли склады. Это позволяло бы разгрузить тесный Ковш и единственную пристань Совторгфлота, уменьшить расходы по перевозке грузов из Ковша за город и обратно в магазин общества. В климатическом отношении место за озером было ничуть не хуже центра и даже более солнечным — не мешали сопки. Благоприятно разрешался и вопрос с водоснабжением. Площадь южного склона Мишенной сопки многократно превышала площадь западного склона Петровской горы, к которой приткнулся старый Петропавловск. Разница заключалась в том, что с Петровской сопки ключи выходили наружу, а с Мишенной они текли под небольшим слоем почвы и впадали прямо в озеро. Один из таких ключей летом 1929 г. исследовала аковская комиссия. Но она упустила большой ключ, вытекавший с восточного склона Петровской сопки, огибавший её и впадавший в восточный конец Култучного озера. Его, по мнению В. М. Адамова, не заметили, скорее всего, потому, что перед озером этот ручей «почти исчезает. Но если взять его на четверть километра выше, то там он по количеству воды, безусловно, превысит наш центральный ключ, питающий водой добрую половину города, баню и пароходы. Провести же от него водопровод — дело пустяковое». Частным домохозяевам, скорее всего, пришлось бы копать колодцы.

Исходя из изложенного, многие и приходили к выводу, что будущий аковский «город-сад» разумнее устроить за озером. А он «и городу поможет расшириться, и благоустроит его заозёрную часть и тем создаст ценный и хороший городской земельный фонд».

Между тем, дорожно-строительный отряд АКО приступил к капитальному ремонту улицы Ленинской и дороги в Петропавловский совхоз. Ввиду срочности работ строители объявили себя «ударниками». Это понятие, призванное повысить организованность и производительность труда в условиях внеэкономического управления, появилось в СССР совсем недавно. Но ударничество оказалось, по мнению ряда наблюдателей, ложным: «Вся работа ведётся из рук вон плохо. Отдельные рабочие озорничают, занимаются вместо работы борьбой, в воздухе висит сплошной мат, по четверть часа ничего не делают. Организация тоже никуда не годится: рабочая сила не распределена, работа не разбита по участкам, отсутствует количественный и качественный учёт, отсутствуют старшие по работам, лошади использованы меньше чем наполовину. Лучшего примера лжеударничества не найти, и это всё под боком, на глазах у всех, на главной улице Петропавловска».

Что же следовало сделать для того, чтобы не компрометировать высокое звание ударника? А вот что. «Наши профсоюзы должны немедленно обсудить вопрос и сделать надлежащие выводы: или снять с отряда почётное название ударников, или добиться того, чтобы он стал действительно ударным, а все бузотёры и лодыри, разлагающие рабочих, должны быть изгнаны». Да и вообще-то всем советским, партийным, профсоюзным организациям следовало «заострить вопрос» о лжеударничестве и мерах беспощадной борьбы с ним.

Быстрый рост населения города обнаруживал всё новые и новые сложности в организации его хозяйства, культурной и общественной жизни. Например, в таком аспекте, как недостаточность городской библиотеки. А расширить этот очаг культуры возможности пока не представлялось: сделать это можно было только за счёт жилой площади в этом же здании, занимаемой семейством заведующей. «Здание библиотеки гнилое, и если ещё терпимо в части занимаемой теперь читальней и книгохранилищем, то в той части, где сейчас квартира... это — сплошная гнилушка».

24 июля городская общественность торжественно встретила пароход Совторгфлота «Ставрополь», пришедший в Петропавловск после тяжёлой зимовки во льдах около мыса Северного. О подробностях этого, без сомнения, героического плавания рассказывал пребывавший на судне представитель Госторга Кавелин.

«Ставрополь» вышел в полярный рейс в устье реки Колымы в июне 1929 г., в августе добрался до места и разгрузился. Обратного возвращения пришлось при крайне неблагоприятных условиях. Лёд становился плотнее, продвигаться вперёд становилось всё труднее и труднее. Наконец в четырёх километрах от берега путь пароходу преградила сплошная ледяная стена. Жизни экипажа и пассажиров пока ничего не угрожало: во время сильного шторма можно было успеть высадиться на сушу, но судно могло пострадать. Команда начала энергично готовиться к зимовке. Пассажиры частью съехали на берег, устроились в землянках. Неподалёку у мыса Северного зимовала шхуна «Нанук» хорошо знакомого камчатцам ещё по дореволюционным временам американского торговца Свенсона. Он затребовал из Америки аэропланы для перевозки команды и пушнины.

На них отправились лётчики Боорлянд и Эльсин. Первый перелёт они совершили благополучно, а 10 сентября 1929 г. при втором попали в сильную пургу и туман. Боорлянд вернулся, а Эльсин продолжил рейс, но не долетел шестидесяти миль до мыса Северного и разбился. На его поиски были посланы два американских аэроплана. Больше месяца их лётчики жили на мысу Северном, так как продолжать поиски не позволяла погода. Затем произвели несколько безрезультатных разведок, и когда оставили надежду найти Эльсина и летели обратно, случайно заметили внизу обломки разбитого аэроплана. Американцы вернулись к «Ставрополю» и сообщили о находке.

Моряки на собачьих нартах с инструментами выехали к месту. В чрезвычайно тяжёлых условиях, в жесточайший мороз и сильный ветер, они более двадцати дней жили в палатках. Им удалось извлечь из льда и обломков тело отважного лётчика. Американские и другие заграничные издания детально описывали все подробности этих поисков, с большой похвалой отзываясь о мужестве и стойкости русских моряков. Те получили массу благодарственных телеграмм и писем из Америки, в том числе от жены погибшего и редакций американских газет.

Позже пассажиры «Ставрополя», в том числе женщины и дети, в полярные морозы проехали на нартах свыше девяти сот километров до бухты Лаврентия, где успешно зазимовали. Команда парохода также довольно благополучно провела зиму. Во время зимовки умер один член экипажа, а другого случайно убили на охоте.

Петропавловцы ещё не забыли, как в ноябре и декабре прошлого года помогали собирать экспедицию, намеревавшуюся отправиться на помощь «Ставрополю» на ледорезе «Литке».

26 июля открылся первый камчатский окружной пионерский слёт. Он начался в десять часов утра митингом представителей всех общественных организаций и союзов на площади Свободы. Тёплое солнышко освещало стройные шеренги юных ленинцев. Под его лучами на сине-белых костюмах ярко пламенели красные галстуки, а ещё ярче блестели глаза участников торжественного митинга. Одетый, как и все, в пионерский костюм, секретарь окружкома комсомола Бондаренко объявил об открытии слёта. А вот и самая торжественная минута — подъём пионерского флага. По команде «Смирно!» застывшие неподвижно пионеры дружно отдают салют, а потом звучит их бодрый уверенный ответ: «Всегда готовы!»

Юных ленинцев приветствовали секретарь окружкома ВКП(б) В. Г. Репкин, председатель окрисполкома В. Ф. Богатырёв, председатель окрпрофбюро В. М. Фёдоров. Они рассказали о задачах, поставленных большевистской партией перед молодым поколением «в настоящее время грандиозного социалистического строительства». Председатель правления АКО Б. И. Гольдберг разъяснил пионерам, какую огромную помощь могут они оказать своим участием в выполнении пятилетнего плана, социалистическом соревновании и ударничестве. Начальник погранотряда Г. Р. Коваленко напомнил им завет «учителя и вождя дедушки Ильича», о том, что молодым силам необходимо в первую очередь «учиться, учиться и ещё раз учиться». Председатель

окружкома МОПР, сказав о необходимости интернационального воспитания и международной смычки трудящихся, передал пионерам вышитое красное знамя. После обеда в Красном городке состоялись стрелковые состязания и физкультурные упражнения. Штаб слёта известил всех жителей Петропавловска, что 3 августа при музее открывается выставка пионерских работ.

5 августа горожанин Михаил Кузьмич Соколов объявил через газету, что просит исключить его из списков верующих: «Я убедился, что религия — обман». А 27 августа некая «гражданка Бодрова Вера Орестовна» публично, тоже через газету, отказалась от родного отца-лишенца, Ореста Тимофеевича Казачука: «В дальнейшем ничего общего с ним не желаю иметь».

6 августа в музее открылась двухдневная выставка минералогических коллекций и картографического материала. Вход свободный с двенадцати дня до восьми вечера. В восемь часов, там же, в музее, желающим предлагалось послушать доклад «О колонизации Камчатки».

Краеведческое общество получило письмо от известного специалиста Л. А. Кулика, занимавшегося исследованием места падения Тунгусского метеорита, в котором он просил собрать всевозможные сведения о небесном теле, упавшем в Пенжинском районе. «Краеведческое общество собирает всю переписку по этому вопросу и сведения, полученные от очевидцев этого исключительного явления в природе, чтобы переслать их товарищу Кулику».

8 августа от крупозного воспаления лёгких скончался заведующий интернатом школы Владимир Иосифович Пантелейко. Он прожил тридцать шесть лет. С 1923 г. учительствовал на Камчатке и Чукотке, до этого работал в Приморье в Ольгинском уезде, где партизанил в 1920—1921 гг. «Всего тов. Пантелейко проучительствовал около двадцати лет, отдав всю свою жизнь делу просвещения, и умер буквально на посту, так как, имея бюллетень, не бросил интернат, и лишь на каникулах вспомнил о своём здоровье».

В Петропавловск прибыл управляющий морским транспортом Тихоокеанского бассейна Гончаров. Цель поездки: проверка хода выполнения пятилетнего плана развития морского транспорта, его уточнение и согласование на месте, в том числе и в области портостроительства.

16 августа окрисполком принял обязательное постановление «О введении всеобщего начального обязательного обучения» с 1930/31 учебного года для детей в возрасте от восьми до десяти лет. В этом году это требование не распространялось на детей и подростков «кочующего населения». Родителям городских ребятишек, отказывавшимся посылать своих чад в школу, грозил сторублёвый штраф или месячные принудительные работы.

Некто «Негодующий» сообщил, что «в мишень для стрельбы обращены лоботрясами девиационные знаки в районе Петропавловска. Стреляют и по плавучей бочке, ограждающей вход судам в Ковш». За это, по его мнению, «надо греть!»

18 августа состоялось общегородское комсомольское собрание в присутствии беспартийной молодёжи. Обсуждали два вопроса: «О жизни и работе Красного флота» и «О работе юнсекции». На собрании широко развернулась самокритика. Выступавшие комсомольцы указывали на неудовлетворительную, парадную связь с флотом. «Дальше такое положение не может быть терпимо». Для того чтобы связь была дельной и способствовала скорейшей боевой выучке краснофлотцев, активному участию гражданских комсомольцев в социалистическом строительстве предложено заключить договор о соревновании. Ещё больше замечаний получила деятельность юнсекции и клуба. Выводы сводились к тому, что они не отвечают задачам по выполнению промфинпланов, что клуб превратился в дорогую «кинушку», не удовлетворяющую запросом рабочих. В постановление включено предложение о немедленном переводе работы «на новые рельсы».

Союз медсантруд отчитался о завершении предварительной подписки на государственный заём «Пятилетка в четыре года». Общая сумма подписки — шесть тысяч шестьсот сорок рублей, что составило 65,2 % зарплаты участвовавших. Больше всех — тысячу восемьсот семьдесят рублей — внёс коллектив городской больницы.

До сведения питавшихся в кооперативной столовой доведено, что им нужно внести в кассу денежный аванс на заготовку продуктов в размере двадцати рублей с человека.

20 августа в Петропавловск прибыл пароход «Ительмен», приобретённый АКО в США вместе с таким же «Орочоном». Суда прошли восемь с половиной тысяч миль. Советские команды, приведшие их, выехали за покупками из Владивостока по железной дороге в Ленинград. Затем они отправились через Ригу, Гамбург, Лондон и Нью-Йорк в американский порт Балтимору. Из Ленинграда экипажи сопровождал корреспондент ТАСС, сотрудник комсомольских журналов «Смена» и «Борьба миров» Гилькиндорф, собиравший материал о жизни, быте и условиях работы советских моряков. Из Балтимора через Панамский канал «Ительмен» направился в Усть-Камчатск, а затем — в Петропавловск. Получается, что его экипаж совершил почти кругосветное путешествие.

Во время пребывания в Америке моряки «Ительмена» и «Орочона» на собственный заработок приобрели «трактор новейшей системы». Его они передали красноармейскому колхозу «Имени XVI партсъезда» близ селения Хутор (ныне черта современного города Елизово) «в знак смывки рабочих с крестьянами». Делегация от команд намеревалась посетить колхоз «с целью ознакомления с работой». Добавим, что трактор использовался не только на полях, но и как привод лесопилки.

Этот трактор был не первым из доставленных в Петропавловск. Техника поступала в деревянных ящиках, стоивших по сто десять долларов каждый. Их по бесхозяйственности «не приберегли, а разбили на осколки... Могли бы служить прекрасной крышкой для тракторов в ненастную погоду»...

23 августа впервые в Петропавловске появилась футбольная команда, зарегистрированная в окружном комитете Совета физкультуры. Футболисты были и до этого, но они нигде не регистрировались и собирались для игры время от времени, «а больше для того, чтобы утомить мускулы ног для лучшего сна». Конечно, такие команды не могли служить примером для горожан. Новый коллектив намеревался регулярно тренироваться и состязаться с командами приходящих пароходов. Это могло стать хорошим примером для «неорганизованных футболистов», от которых ждали сплочения в новые команды.

Комиссия по организации «кино-концерта с буфетом», данного союзами работников просвещения и медиков в пользу детских яслей подшефного села Коряки, сообщила, что сбор превысил четыреста тридцать рублей. Устроители благодарили всех жертвователей.

Стало заметно, что лесное обрамление города поредело: в последние годы деревья на сопках беспощадно вырубались. По начинавшим плешиветь склонам бродил скот. Краеведческому обществу предлагали заняться охраной природы, горсовету — издать постановление о выпасе скота выше Третьей и Четвёртой улиц, а для пастбища отвести другой участок. Попутно следовало сохранить единственный городской сад, превратившийся из физкультурной площадки и места отдыха в выгон для скота и распивочную.

В августе окрпрофбюро намеревалось провести ряд экскурсий, в том числе: на вершину Мишенной сопки «для ознакомления с древними ительменскими юртовиками у кладбища»; в Петропавловский совхоз «по истории возникновения и постепенному развитию сельского хозяйства»; на тресколовную базу для знакомства с рыбным ловом, обитателями моря и их биологией; в Паратунку на горячие источники с «беглым осмотром колхоза». На обратном пути намечался заход на остров Хлебалкин и даже получение «геологической справки относительно его происхождения». Кроме этих, предполагались путешествия по маршруту Петропавловск — Мильково, Мильково — Козыревск; в селения Елизово и Хутор с программой: «Быт населения, знакомство с промыслами и орудиями труда, культурная и общественная жизнь». На обратном пути из Елизово — посещение колхоза в селении Хутор, «ознакомление со строительством, его хозяйством и планами на будущее». Завершало программу восхождение на Авачинский вулкан для ознакомления с его деятельностью, растительностью на вершине и продуктами извержения.

30 августа большинство коллективов предприятий и организаций города работали «на индустриализацию страны», в основном на своих рабочих местах. Сотрудники

окрисполкома и комхоза приводили в порядок городские дороги, аковцы отправились в совхоз. Некоторые коллективы, например Госбанка, окрфинотдела, отложили работу в фонд индустриализации до следующего выходного дня.

Завершалась подготовка к новому учебному году. В школе-семилетке окончился ремонт, теперь требовалось отмыть полы и стены. Артель поломоек (оказывается, была и такая) запросила за это пятьсот рублей. Школьники решили сами организовать уборку, а заработанные деньги положить в общую кассу комсода на устройство горячих завтраков. Часть уборки выполнили прибывшие на пионерский слёт делегаты из Усть-Камчатска, ещё часть — «просвещенцы» в счёт дня индустриализации. Для наведения порядка в остальной части помещения и второго школьного здания, на мытьё которого АКО выделило триста рублей, комсод «мобилизовал» родителей учащихся и комсомольцев.

1 сентября отмечен Международный юношеский день. В клубе бурлила комсомольская самодеятельность, впервые выступали эстрадные новички. Вдруг на сцене возник «поэт» — матрос «Орочона» Сморчков. Он «заломил на затылок измятый козырёк, бесшабашно распахнул тужурку и трясёт всклокоченным чубом. На лице застыл тупой взгляд и кривая улыбка. Для шпаны “парень свой в доску”!» Случился скандал. Дело в том, что в ходе подготовки «живого журнала» он читал нечто срифмованное под Есенина, а на вечере, «будучи упадочным комсомольцем», выйдя на сцену, «решил вытащить из-под полы другое, отражающее нутро Сморчкова».

Тряхнув чубом, Сморчков запел об упадочном комсомольце:

*С партбилетом, не ему, —
Он вор и бандит!*

«Дальше прошамкал фразу запечной кулацкой старухи:

*Как были рабами мы,
Так и умрём рабами...*

Болея манией о своём поэтическом величии, Сморчков дерзнул с визгом и хрипом бросить гнусную ложь на пролетарского поэта:

*Демьян Бедный плюёт
В “Правду” неправду...»*

«Если с нашей эстрады будут разные невежды, вроде Сморчкова, клеветать на компартию и пролетарских писателей, то это будет значить, что наши клубные работники сдают позиции, — возмущался “правильный поэт” Михаил Уралов. — Пароходной ячейке “Орочона” надо сделать организационные выводы и указать Сморчкову на дверь, как не поддавшемуся комсомольской ковке».

8 сентября в АКОграде заканчивалась постройка третьего дома. Не за горами было открытие детского садика, готовящегося принять три десятка дошколят. Во втором доме сотрудники общества уже справили новоселье, но всё же жилья аковцам катастрофически не хватало. Пароходы «Дези Моллер» и «Ямомоту-мару» доставили из Владивостока строительно-техническое управление общество в составе шестидесяти трёх сотрудников. Некоторые из них приехали с семьями, и с малыми детишками обитали в палатках. Управленцы организовали несколько ударных бригад из техников, чертёжников и других квалифицированных работников. Они решили, трудясь ударными темпами, временно введя десятичасовой рабочий день, в первую очередь обеспечить жильём семейных, затем расширить столовую и обеспечить городок электричеством. Городская электростанция отпускала туда всего пятнадцать киловатт, чего было совершенно недостаточно.

Часть аковцев, например работники дорожного отдела, разместились в центре города в районе школы. «Здесь был выкопан ряд подобий землянок, вернее, звериных нор, на которые кое-как натянуты палатки». Здесь же обитали и грузчики Совторгфлота, некоторые семьи — с детьми.

10 сентября закрылись курсы «по подготовке неуспевающих», организованные комсодом. «Как первый опыт, курсы надо признать удовлетворительными».

Лавка Центроспирта выпустила в продажу водку. Результаты торговли сказались через час. «Часть работающих на стройбазе АКО не смогла после обеда пойти

на работу. Много милиции было дела в этот день. А на другой день табель пестрел отметками “Не раб.” (не работал. — С. Г.). Оно конечно».

13 сентября среди «неорганизованного населения» Петропавловска (то есть не членов профсоюзов) проводилась подписка на заём индустриализации. При контрольной цифре в три тысячи рублей подписались всего на девятьсот шестьдесят пять. Во время обхода многих не застали дома: они находились на покосе. «Плохо, неорганизованные, плохо! Равняйтесь на домашних хозяев, каждая хозяйка подписалась на десять-пятнадцать рублей!»

17 сентября обиженные школяры пожаловались в «Полярную звезду»: «Покупают ребята в кино ученические билеты по двадцать копеек. Кассирша не говорит, что детям в кино нельзя. А когда начинается сеанс, заведующий клубом Понявин не пускает. Требуют обратно деньги, кассирша говорит, что она ничего не знает. Идут к Понявину объясниться, он берёт ребят за уши и выводит из клуба. Так деньги пропадают не один раз».

18 сентября на стоявшем в порту первом теплоходе АКО «Охотск» произошёл сильный пожар. Без пятнадцати семь утра воспламенилось машинное отделение. На судне сыграли тревогу, наглухо задраили машинное помещение, надеясь таким путём прекратить доступ воздуха и потушить огонь. Ошибкой в организации спасательной операции оказалось то, что с самого начала не определили, что именно горит, а потом выяснить это оказалось невозможным вследствие сильного распространения пламени. Под машинным отделением находились две цистерны с топливом, а в трюмных цистернах — ещё сорок тонн горючего. Вскоре стало понятно, что взрыва избежать не удастся. Следует отметить, что тогдашний Петропавловский порт серьёзных средств для борьбы с огнём не имел.

Теплоход отвели на более глубокое место. К нему подошёл траулер «Баклан», неудачно попытавшийся сбить пламя струёй пара. Безуспешные попытки прекратить пожар длились почти семь часов. В 13.30 раздался сильный взрыв. Столб дыма взметнулся на высоту нескольких десятков метров, «Охотск» превратился в костёр. Теперь стало окончательно ясно, что потушить его не удастся. Находившиеся во время взрыва на «Охотске» команда самого теплохода и моряки стоявших в порту судов, принимавшие участие в тушении, были сметены взрывной волной в воду.

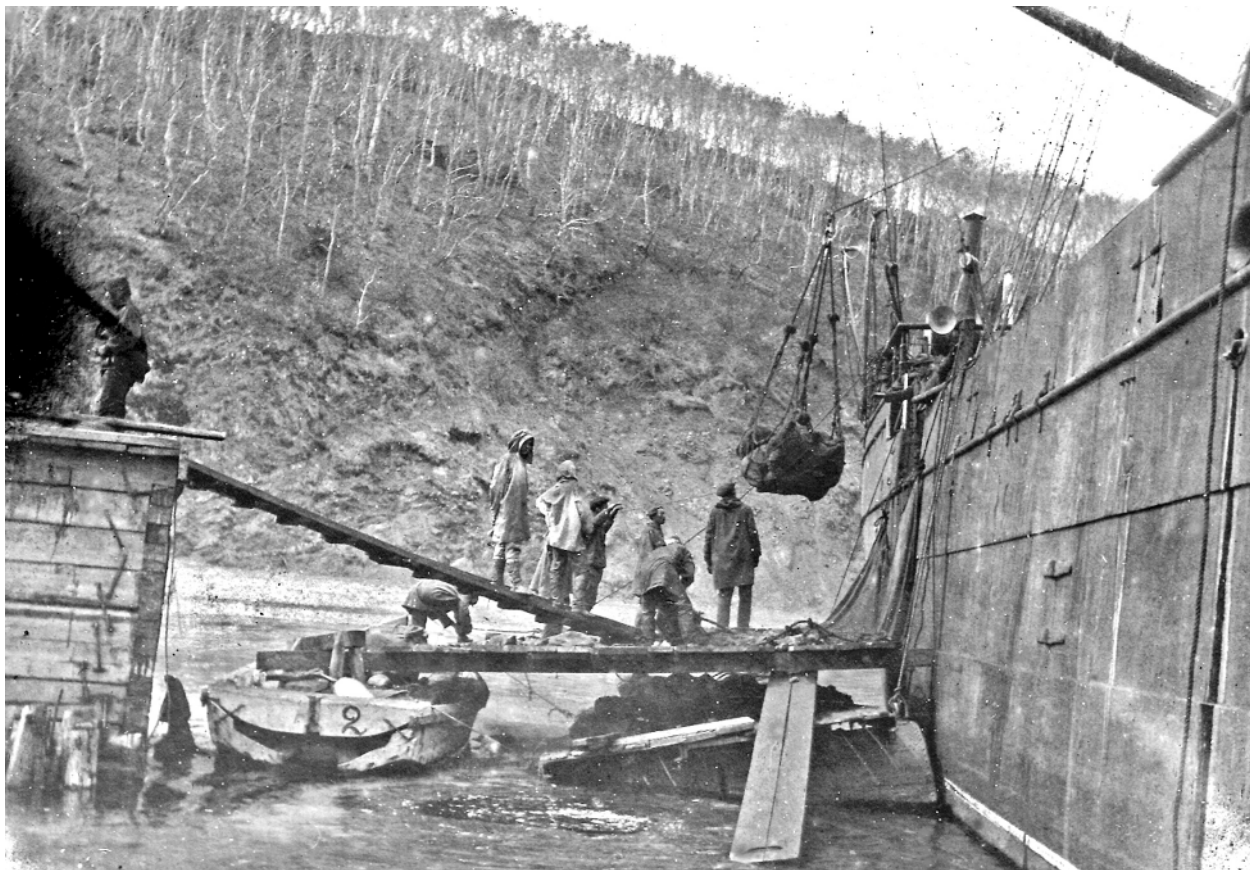
Двое из них пропали без вести (сгорели или утонули): второй помощник капитана траулера «Баклан» Георгий Константинович Серебrenиков и ученик механика теплохода Виктор Кузнецов. Был травмирован морской агент АКО. Получили тяжёлые ранения и ожоги шестеро членов экипажа «Охотска», попавшие в больницу: старший и второй помощники капитана, старший механик, радист, хлебопёк и дневальный. Легко ранило и контузило боцмана, плотника и матроса. В тушении пожара деятельное участие приняли военморы пограничного сторожевого корабля «Воровский», команды парового траулера АКО «Баклан» и портового катера «Коршун».

20 сентября пришло известие о смерти хорошо известного камчатцам видного дальневосточного исследователя и учёного-этнографа Владимира Клавдиевича Арсеньева, скончавшегося 4 сентября во Владивостоке.

23 сентября в клубе состоялся вечер с участием вновь прибывших любителей сценического искусства и эстрады. В программе: комедии в одном действии «Капитал» и «Хитрость на хитрость», концертное отделение. Играл духовой оркестр, работал буфет. По окончании — традиционные танцы до поздней ночи.

Команда погибшего «Охотска» через «Полярную звезду» выразила глубокую благодарность морякам «Воровского», «Баклана» и «Коршуна», принявшим деятельное участие в тушении пожара на теплоходе и её спасении.

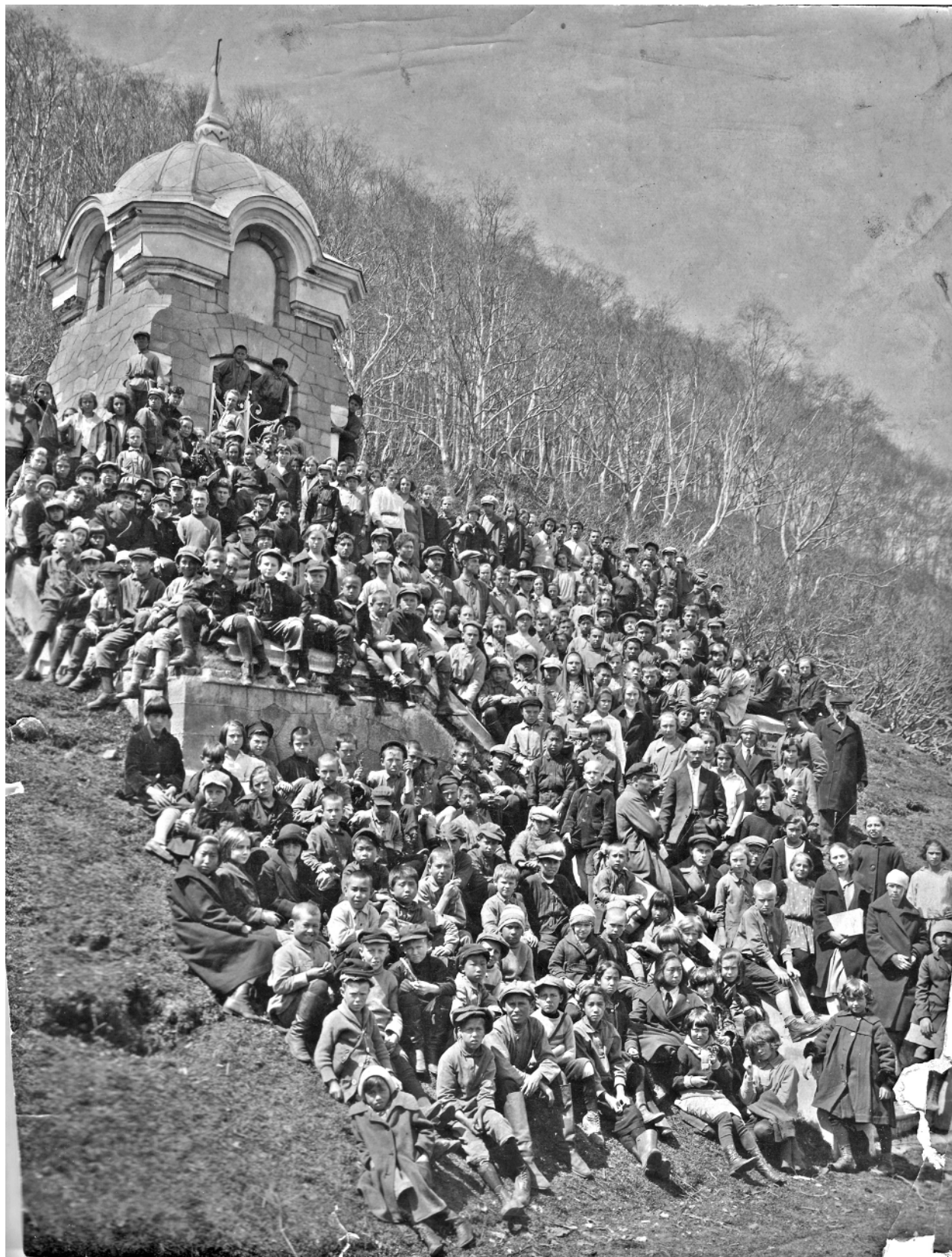
25 сентября на улице Ленинской в помещении бывшего молочного киоска заработало камчатское представительство Государственного всесоюзного фотокинообъединения «Союзкино» при Высшем Совете народного хозяйства СССР. Его задачами стали прокат фильмов для всех киноустановок Камчатского округа, обслуживание клиентуры, продажа фото- и киноматериалов, а также съёмка местной хроники для общесоюзных киножурналов. Но «главной, основной задачей» объявлено открытие в городе кинотеатра.



Погрузка угля на пароход с мыса Сигнального.
НВФ 3571



Магазин Акционерного Камчатского общества, 1930 г.
НВФ 871



Школьники на экскурсии у часовни на братской могиле защитников
Петропавловска в 1854 г.
Ф 3383

Интересное наблюдение: метаморфоза городского молочного киоска совпала с исчезновением молока. Его источником являлся пригородный совхоз. В последнее время от него, по словам очевидцев, доходило лишь три-четыре литра. «Несмотря на неоднократные постановления соответствующих организаций о том, что молоко должно выдаваться в первую очередь детям, и именно детям грудного и дошкольного возраста, по-прежнему совхозовское молоко успевает испариться по дороге... Кто пьёт молоко? Совхозовские дети? Сомневаемся, чтобы всё молоко из совхоза шло исключительно детям. Сами рабочие в совхозе говорят о том, что по распоряжению зава молоко выдаётся сотрудникам АКО, и не имеющим детей». Недовольные городские жители требовали прекращения «этого безобразия», введения контроля количества молока, привозимого в город: «взять его на учёт и выдавать только детям и в первую очередь детям дошкольного возраста».

Сложности возникли и со снабжением детишек белым хлебом, отнесённым в условиях повального дефицита к «усиленному питанию». Правда, на них выдавалась белая мука по норме, но не все семьи могли испечь для ребёнка хлеб, хотя бы потому, что у многих не было дров (кстати, вот ещё один местный дефицит). Одна из возмущённых матерей указывала, что хотя пекарни не производят белого хлеба, отговариваясь отсутствием соответствующей муки, в столовой кооператива и кофейне Красного Креста утром и вечером дают чай и кофе с булками. «На булочки откуда-то мука находится, а на белый хлеб для ребятишек — нет». Она предлагала хотя бы раз в пятидневку выпекать белый хлеб исключительно для детитишек, прекратив отпускать муку для кофейен.

Под давлением общественного мнения закрутилась бюрократическая машина. Окружной отдел здравоохранения собрал специальное совещание по вопросу питания детей. Сюда прибыли представители всех заинтересованных организаций: кооператива, больницы, комитета содействия яслей — все, кроме главного городского снабженца — АКО. Отсутствие представителя общества было расценено как намерение «сорвать детское питание». На совещании выяснилось, что пекарня Петропавловского кооператива не выдаёт белый хлеб, потому что перегружена. Пекарня АКО, наоборот, недогружена больше чем наполовину, но несмотря на ряд решений разных инстанций, общество не спешило передать её кооператорам.

Совещание признало крайней необходимостью обеспечения дошкольников и школьников белым хлебом. Окргздраву поручено просить окрторг и кооператив «воздействовать» на отдел снабжения АКО. На дополнительную норму детям должны быть выданы карточки, причём для удобства распределения продуктов их следовало разделить на три группы: до трёх лет, от трёх до семи и от семи и выше. Выработка «детской нормы» поручена окргздраву, а её выдача — кооперативу, для чего ему переданы все дефицитные продукты, «сейчас же забронированные для детского питания». Горсовету рекомендовано урегулировать выдачу молока и прекратить его разбазаривание по пути в город. Попутно правлению кооператива и обществу Красного Креста поручено проработать организацию диетического питания и детской столовой.

Уже известная нам активистка Малькова потребовала «подтянуть мешанок», поясняя, что детскими продуктами зачастую пользуются взрослые. «Вот картинка. Хвастается одна мать другой: “Постряпать бы к первому маю, да не на чем. Сала мало, а масло, так и говорить нечего! Моему Коле выдают двести пятьдесят граммов масла, ну я и состряпала на этом масле кулич. Всё оно и ушло”. Другая смеётся и говорит: “Я тоже. У нас будет выпивка”. Понятно, что сознательная мать так не сделает». Несознательным родителям, «которые не родители, а “производители”», лишившим детей масла ради приготовления старорежимных куличей да угощения пьяных гостей, нужно было понять, что «систематическое снижение питательности детского пайка ведёт к ослаблению детей, уменьшению их здоровья и силы». Детям же рекомендовалось обо всех таких случаях писать в «Полярную звезду»: «она поможет вам в этой пока не равной, но правой борьбе».

27 сентября в аптеке закончилась сыворotka от бешенства. Её срочно выписали из Владивостока. За прошедшую неделю в городе было зарегистрировано десять случаев укуса граждан бешеными собаками. Во Владивосток на шхуне «Чукотка», недав-

но вернувшейся из сложного полярного плавания, отправлены четверо пострадавших. Столько же — на японском пароходе «Нишин-мару». В связи с учащением случаев бешенства в городе «развилась эпидемия стрельбы собак». Убитых животных вывезли за город и не закопали, а разложили рядочком за Култучным озером вдоль дороги, ведущей в совхоз. «Хотя сейчас и не лето, но всё-таки вид не особенно приятный для проезжающих, да и воздух заражён».

29 сентября на вечере в клубе активистки группкома № 4 (совторгслужащих) продавали сделанные своими руками бутоньерки, выручив шестьдесят восемь рублей. Деньги внесены на текущий счёт МОПР.

30 сентября заседало окружное бюро комсомола. Оно приняло «историческое решение»: об организации завода-школы, точнее, завода-вуза. К этому, по мнению камчатской комсомолки, обязывал «рост нашей промышленности, требующей новые кадры... в связи с огромными задачами, поставленными перед камчатской парторганизацией и комсомолом по быстрейшей индустриализации и колонизации Камчатки». Этот ранее небывалый завод должен был стать показательным в части выполнения производственных планов, организации и воспитания социалистического отношения к труду. На нём следовало наладить подготовку пролетарских кадров из национальной молодёжи. «Весь процесс производства организуется на получении технической основы, пропитывании производственных процессов теоретической основой, организации рыбалок с тем расчётом, чтобы в ближайшие годы перестроить в заводы-вузы».

Для руководства работой по подготовке к созданию такого уникального предприятия окружком назначил «боевой штаб», которому поручил детально разработать вопрос, внести его на бюро окружкома и правление АКО, «одновременно развернуть в печати популяризацию мероприятия по организации комсомольского завода-школы». Начальником штаба назначен Леонид Люцифер, рабочий, сын горняка. Он свыше двенадцати лет работал на рыбалках, приисках и водном транспорте, в частности, старшиной катера Петропавловского порта. Последнее время трудился «как выдвигенец-рабочий» заместителем заведующего окружным финотделом.

1 октября при педтехникуме открылись курсы по подготовке к поступлению в вузы. На них зачисляли рабочих, крестьян, красноармейцев, не имевших законченного среднего образования. Выпускников семилетней и девятилетней школ не принимали, как уже имевших достаточную подготовку.

Заработала пошивочная мастерская переселенческой кустарной артели «Камчатский портной», входившая в состав кустарно-промыслового отдела АКО. Артель приглашала на работу всех местных «кустарей», а также женщин, членов семей рабочих и служащих, знакомых с пошивкой белья.

В клубе состоялось торжественное заседание по случаю досрочной демобилизации военнотружеников погранотряда, направлявшихся работать в красноармейский колхоз имени XVI партийного съезда. Сорок молодых пограничников пополняли «первую колхозную звезду на Камчатке», как назвал хозяйство один из приветствовавших. На расширение животноводства окрисполком отпустил колхозу пять тысяч рублей, окрпрофсовет передал ещё тысячу семьсот, собранных среди членов профсоюзов как подарок на покупку трактора. Во время заседания одному из демобилизуемых — пограничнику Карелину — вручены грамота и серебряные часы. Эти награды он получил «за проявленные им храбрость и геройские подвиги во время трудных и опасных походов».

Завершалось обследование бухты Раковой в Авачинской губе на предмет возможности расширения Петропавловского порта. Изыскатели засели за составление отчётов. В случае, если бухта окажется непригодной для этого, намечалось изучить Тарьинскую. Но последний вариант, ввиду значительного удаления от порта и города, мог быть принят лишь в крайнем случае. Петропавловский порт по своему техническому состоянию уже не мог удовлетворять с каждым годом растущему грузообороту, особенно заготовленной рыбопродукции, долго ждавшей на промыслах отправки на «материк». Управление портовых изысканий на Тихом океане составило обширный план строительства новых портов и расширения уже имеющихся, в том числе и Петропавловского.



«Комсомол — ближе к флоту!».
 НВФ 2800



Комсомольцы Петропавловска в гостях у военморов пограничного сторожевого корабля
 «Воровский», 1930 г.
 НВФ 3782



Участники первой камчатской окружной партийной конференции в Петропавловске,
1 октября 1930 г.
ККМГИ 6196



Выпускники первых на Камчатке курсов мотористов-трактористов, 1930 г.
НВФ 4162

В городской амбулатории введена «непрерывка», то есть работа по пятидневке, увеличено количество врачей. Амбулатория открывалась в половине девятого утра и действовала до двенадцати, а затем с половины пятого до семи часов вечера. Принимали врачи: Серебряков, он же заведующий амбулаторией, — по внутренним женским и кожно-венерическим болезням, Щепчинский — по внутренним болезням, Гордонович — по хирургии, Пятовцев — по детским заболеваниям, Сергеева и Гор — по стоматологии (в то время говорили, что «по зубным»). Вызвать врача на дом можно было по записи с девяти утра до двенадцати, на вызовы прибывал доктор Щипчинский. Действовала зуботехническая лаборатория.

5 октября в город прибыли новые окружные работники: председатель окрисполкома В. П. Виноградов и председатель окрпрофбюро В. И. Вихров. Первый, Василий Петрович Виноградов, родился в крестьянской семье. С двенадцати лет он трудился по найму у помещиков и на железной дороге. С 1917 г. состоял на различных должностях в административно-хозяйственных организациях, был председателем уездного исполкома в Торжке, заместителем председателя губисполкома и заведующим губземуправления в Твери. До назначения на Камчатку заведовал окружным земельным управлением и был председателем окрплана в Благовещенске.

Второй, В. И. Вихров, сын рабочего, получил низшее образование. С 1903 по 1910 г. трудился литейщиком Путиловского завода. В 1910 г. за принадлежность к РСДРП был сослан в Иркутск, из ссылки бежал. Несколько раз сидел в тюрьме. В 1919 г. воевал против генерала Юденича, был на польском фронте. В 1923 г. демобилизован и командирован ЦК ВКП(б) секретарём Новгородского уездного комитета, где работал до 1925 г., затем председательствовал в Новгородском губсуде. В декабре 1926 г. мобилизован для работы на Дальнем Востоке, где занимал ряд ответственных должностей в советском, партийном и профсоюзном аппаратах. Последнее время работал председателем Зейского окружного бюро профсоюзов.

Временно закрылись детские ясли: их помещение пришлось занять интернатом ремесленной профессиональной школы. Из-за этого многим трудящимся женщинам пришлось бросить работу и сидеть дома с маленькими ребятишками. «Это положение ни в коей мере не было выгодно экономически, так как рабочие руки, столь необходимые для строительства Камчатки, оставались безработными. Кроме того, питание детей значительно ухудшилось, потому что дома они не получают молока и тех продуктов питания, которыми они пользовались в яслях».

Окружной отдел здравоохранения и специальный «ясельный совет» срочно занялись подбором более подходящего места, потому что «весь вопрос был за помещением. Как на ясли, так на молочную кухню и детскую диетическую столовую деньги по смете отпущены». Горсовет, идя навстречу окрздраву, «учитывая необходимость поставить вопросы детского питания во всю ширь», решил предоставить для этих трёх детских учреждений бывший дом Рубцова на улице Ленинской. Дело оставалось за малым: выселить отсюда квартировавших сотрудников АКО, Совторгфлота и других организаций и отремонтировать здание.

14 октября в погранотряде состоялось собрание, посвящённое недавним событиям в Индии и Китае. Была заслушана информация о политическом положении в странах капитала и произведён сбор добровольных пожертвований в пользу тамошних революционеров. Командиры и красноармейцы откликнулись на призыв о помощи своим братьям по борьбе. Собранные двести тридцать пять рублей сданы в окружном МОПР. «Мопровские ячейки города! Берите пример с ячейки МОПР управления погранотряда!»

17 октября объявлено, что за кражу электроэнергии привлечён к уголовной ответственности некий гражданин Хохлов.

Стало известно, что Совет физкультуры Дальневосточного края предоставил Камчатке одно место в физкультурном техникуме. Желающие учиться приглашались подать заявления в окружной совет физкультуры.

23 октября открылся районный слёт «легкокавалеристов» и ударников, подводивший итоги проделанного и наметивший работу на ближайшее время. На слёте присутствовало свыше тридцати делегатов, в том числе несколько девушек. Молодёжь

пришла сюда не только для того, чтобы, по выражению одного делегата, «кричать во всю комсомольскую глотку» об имеющихся недостатках и прорывах, но и для того, чтобы обсудить ближайшие меры для их изжития, чтоб «драться, как львы» за выполнение и перевыполнение программ и за ударное проведение месячника рыбной промышленности.

Признано, что группы «лёгкой кавалерии» работали весьма слабо, не определив своего места на предприятиях и в учреждениях, «путаясь в методах и формах, зачастую сводя свою работу к кампанейским или сыскным методам, то есть изыскивая преступные “большие дела”, не предупреждая их, не помогая хозяйственникам в работе, а только фиксируя факты». Отмечено, что «огромная политическая важность работы ударников-кавалеристов не учитывалась советской общественностью». На будущее требовалось «исправить линию работы» и укрепить связи кавалеристов-ударников с профсоюзами, общественными организациями и хозяйственными руководителями.

Движение «легкокавалеристов» возникло по инициативе комсомола ещё в 1926 г. как форма участия в государственном и общественном контроле. Идея его создания диктовалась необходимостью борьбы с бюрократическими извращениями в государственном аппарате, профессиональных и других организациях. Группы, или бригады «лёгкой кавалерии» создавались при комсомольских первичках. Основной метод их работы — внезапные проверки, отсюда и терминология времён недавней гражданской войны, то есть «налёты» и «рейды». Массовая работа началась в конце 1928 г., когда Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б) и Центральный Комитет ВЛКСМ издали циркуляр «О группах “лёгкой кавалерии”», определивший её задачи: борьба с бюрократизмом и бесхозяйственностью, за экономию, контроль хода ударных строек пятилетки, торговли и снабжения и прочее. Считалось, что это будет способствовать ускорению темпов социалистического строительства.

30 октября зарегистрированы шесть случаев скарлатины. Созвано специальное заседание окрздрави, отметившее, что опасность заболевания повышается, особенно детей, в связи с тяжёлыми жилищными условиями, крайней скученностью и недостаточным питанием. Окрздрав признал необходимым объявить город «угрожающим по скарлатине» и обратиться в окрисполком с просьбой дать команду АКО предотвратить горбольнице один стандартный дом для организации изолятора. Из Хабаровска срочно выписана вакцина для производства прививок.

Отмечено усиление характерного и в прошлые годы жилищного кризиса, достигшего «самого высокого напряжения». Этому способствовал перевод в Петропавловск правления АКО и развёртывание в городе ряда предприятий. АКО, порт и другие организации завезли рабочих и служащих, но предварительно не озаботились обзавестись необходимым жильём. Медленно строилось АКО, оно же сдерживало недоставкой материалов сооружение двухэтажного дома горместхоза и капитальный ремонт ряда его зданий. За летний период не получено ни одной доски и гвоздя даже на починку разрушенного деревянного тротуара.

Чтобы не допустить зимовки рабочих и служащих в палатках, рассматривалась возможность «некоторого уплотнения»: в домах горместхоза и некоторых частных «ещё имеются большие квартиры, в которых можно немного потесниться». Пользуясь жилищным кризисом, некоторые частные хозяева стали взимать по двадцать пять рублей за небольшую комнату. Одним словом, «дерут без всякого милосердия». Между прочим, по действовавшему законодательству за такую комнату полагалось платить, в зависимости от получаемого оклада, от пяти до десяти рублей. Размер квартиплаты в домах горместхоза распространялся и на частное жильё, а за её повышение и тем самым «притеснение жильцов» можно было попасть даже под уголовную ответственность.

Помимо административного давления, власти взывали и к сознательности жильцов и домовладельцев, надеясь, что они «учтут квартирный кризис и без всякого административного вселения потеснятся и предоставят свободную жилплощадь нуждающимся».

Возможных «уплотняемых» называла газета «Полярная звезда»: «В Красном городке в доме № 3 живёт вдова Щ... С нею живёт дочь-комсомолка. Занимают они две комнаты: одну прекрасную большую, в которой помещаются сами, в другой —

маленькой — держат кур. Это при остром жилищном кризисе! Куда смотрит горсовет?» Местхоз установил, что дом некоей Огородниковой содержится в антисанитарном состоянии, а неоднократные требования об устранении отмеченных недостатков она не выполнила. «На основании существующих законоположений горместхоз дело передаёт в суд о признании дома Огородниковой бесхозяйственно содержимым». Существовал и ещё один адрес, по которому «свободно можно поместить пятнадцать человек»: бывшая пекарня в самом центре города, возле пристани. Там имелся водопровод и очаг. «Стоит лишь выбросить плиту и вставить немного стёкол, и здание будет, во всяком случае, лучше сарая, а тем более палатки».

2 ноября объявлено, что при представительстве «Союзкино» организуется художественный совет, намеревающийся заняться наблюдением за прибывавшей на полуостров кинопродукцией, затем прокатываемой на городских и деревенских экранах. Отмечалось, что до последнего времени со стороны Дальневосточного края, в состав которого входил Камчатский округ, этому уделялось недостаточное внимание: «фильмы высылались порою идеологически вредные, на девяносто восемь процентов заграничного производства» и только в последнее время от «Союзкино» стала поступать продукция, «отвечающая требованиям сегодняшнего дня».

Теперь с засильем низкопробной иностранщины намеревались покончить: этот вопрос на художественном совете «будет стоять во всей полноте». Совет намеревался «просматривать фильму, прежде чем пустить её на экран». В его обязанности также входило создание вокруг кинокартин «общественного мнения», устройство зрительских конференций и широких обсуждений. Возникал вопрос: «А судьи кто?» Ответ: в состав совета должны были войти представители самого «Союзкино», окружного отдела народного образования, школы, печати и, естественно, «гегемона» — рабочие.

Завершился слёт «лёгкой кавалерии» и ударников. Избран новый штаб в составе Падычева, Левчук, Краснова, Дьяконова и Бредис.

5 ноября город готовился к главному празднику Страны Советов — очередной годовщине Октябрьской революции 1917 г.

«Что-то небо потемнело. Как бы к октябрю погода не испортилась! — стриженная головёнка в двадцатый раз отрывается от красиво разрисованного плаката и с озабоченным видом и перемазанными в краске руками выскакивает на улицу — “проверить погоду”».

— Совсем нет в тебе пионерской выдержки, Гошка, — с укоризной замечает ему курносенькая круглолицая девчушка, ровными уверенными движениями вырезая флажки из старых разноцветных объявлений. — Смотри, бросил кисть в краске и сделал пятно около слова “выполним”. Всё равно, какая погода ни будет, наш отряд пойдёт на демонстрацию!

— Скорей ребята, кончайте работу, надо на репетицию поспеть, а то ведь работы ещё много, — торопит вожатый.

А какие красивые диаграммы готовят ученики школы-семилетки! Надо сходить им помочь.

Несколько дней по месткомам и коллективам идёт усиленная подготовка. Шутка ли, Октябрьская революция, да ещё тринадцатая годовщина. Надо здание украсить, вечер воспоминаний организовать, стенную газету выпустить, а то у неё, бедняжки, и рамки где-то завалились, и заголовок пожелтел.

Делов — куча, а актива... маловато, да и тот весь в расходе: один к докладу готовится, другой спешит, роль разучивает, а третий на предприятии своей основной работой загружен.

Огорчённые месткомщики, понунив голову, решают трудную задачу: кого выделить ответственным распорядителем на демонстрацию, кому поручить выступить с воспоминаниями. И тут же в месткомовской голове яснее оформляется смутное до сих пор сознание: “А ведь, братишечки, ни к чёрту у нас массовая работа поставлена, актив не выявлен... Следует этим делом заняться серьёзнее”...

Старшая группа педтехникумцев готовится к постановке спектакля в соседних сёлах Коряки и Елизово. Разучиваются роли, срочно пишутся декорации. Устраивается вечер для старших групп и утренник в клубе для младшей. Кроме того, надо

и в интернате прибрать, и помочь комсоду настрять угощение для школьников, и в клуб на спевку, и на сыгровку сбежать, иначе не избежать замечания от строгого дирижёра Устюжанинова. Все заняты по горло.

В окружке комсомола — заседание за заседанием. В перерывах — беседы и инструктаж. Вызываются комсомольцы с предприятий, срочно разрабатывается договор с АКО о передаче комсомолу Кихчикско-Кольского крабо-рыбоконсервного завода.

А вечером, когда в городе вспыхнули разноцветными звёздочками октябрьские лозунги, в красных уголках и в клубе открылись торжественные кустовые собрания, на которых старые большевики и рабочие выступали с воспоминаниями о прошлых годах, подводились итоги имеющихся достижений».

Готовились к годовщине Октября и трудовые подарки: вдоль берега Култучного озера в АКОграде строились жилые дома. Между груд стройматериалов лавировали новенькие, с иголки, грузовики-«фордики», подвозившие песок, глину и кирпичи. Но, торопясь, зачастую их сбрасывали как попало. Следующие автомобили налетали на внезапно возникшие препятствия, от чего могли возникать повреждения.

А в праздничный день, 7 ноября, ровно в восемь часов утреннюю тишину разрезал первый гудок вновь выстроенного на Озерновской косе лесопильного завода. В ответ загудели стоявшие на рейде пароходы. Трудящиеся со знамёнами и алыми лозунгами плакатами начали собираться около своих предприятий и учреждений.

7 ноября впервые в своей истории Петропавловск увидел на праздничной демонстрации так много рабочих: строителей, грузчиков, сельскохозяйственных тружеников. Длинной лентой шествие тянулось от окружкома ВКП(б) до площади Свободы, где в одиннадцать часов открылся торжественный митинг. С речами выступали представители партийных, общественных, советских и хозяйственных организаций: заместитель секретаря окружкома ВКП(б) Щенюк, председатель окрисполкома Виноградов, председатель окрпрофсовета Вихров, начальник погранотряда Коваленко, заместитель председателя правления АКО Кривошеев, секретарь окрсовета Осоавиахима Гор и другие.

Дружными аплодисментами встречены выступления китайского рабочего и представителя пионерской организации. Вечером в клубе ССТС с большим успехом прошёл «живой журнал» и постановка на революционную тему, в школе-семилетке учащиеся устроили вечер.

8 ноября утром начался субботник по погрузке угля на пароходы. Комсомольцы и беспартийная молодёжь перевалили его свыше восьмидесяти тонн.

10 ноября. Лозунг дня: «Даёшь дирижабль!» Ударная бригада электропроводчиков строительной базы ОГПУ, заработав от прокладки линии пятьдесят три рубля, передала их на постройку аппарата «Тихоокеанский пролетарий». Члены бригады призвали последовать их примеру коллективы пищевики, лесозавода, инженерно-технических и счётных работников. Заработанные в «День индустриализации» деньги пожертвовал на постройку дирижабля и горожанин Хабаров.

12 ноября в пять часов десять минут утра над городом пролетел метеорит. Члены краеведческого общества И. Ф. Голованов и Н. З. Топольский, наблюдавшие это, сообщили, что он летел в течение трёх минут с запада на восток под углом сорок пять градусов, как большая белая ракета, оставляя за собой узкую белую, долго не рассеивавшуюся туманную полосу. Скрылся болид за Петровской сопкой, после чего послышался сильный гул. Камчатское краеведческое общество обратилось к очевидцам с просьбой сообщить ему как можно подробнее все сведения о таком редком природном явлении.

Правление краеведческого общества решило заслушать на общих собраниях доклады о пушном промысле, торговле и снабжении, составляющих бюджета туземцев, лесном хозяйстве, кустарных промыслах и о прошлогодней экспедиции по Северной Камчатке. Члену общества геологу Кулакову поручено прочесть в педтехникуме и школе-семилетке лекцию «Вулкан и вулканические явления». Намечен ряд бесед и лекций в погранотряде, Петропавловском совхозе, окрестных колхозах, строительной и траловой базе АКО. Попутно в общество приняты житель далёкого селения Дранка И. Бекерев, а из Козыревского совхоза — врач Бурмин и агроном Воробьёв.



«Восточники» Петропавловска.
НВФ 7719



Осоавиахимовцы и пограничники на полевых занятиях в окрестностях города, 1930 г.
НВФ 2583



Здание конторы связи. Собачьи нарты с почтой. На стене — единственные
в городе наружные часы.
НВФ 3947



Разбор прибывший в город почты.
НВФ 4230

В музей краеведческого общества поступили с Командорских островов ботанические коллекции от Е. Кардаковой, орудия каменного века из бухты Корфа от Миронова, образцы халцедона из района Кроноки от Гвоздицкого. Из этого халцедона, по мнению знатоков, можно было изготавливать призмы для аналитических весов и лабораторные ступки. Экспедиция Дягилева прислала с западного побережья Камчатки различные образцы торфа.

15 ноября выпал первый снег. Детвора аковского городка, радуясь ему, весёлыми стайками каталась вдоль улицы со склона Мишенной сопки к Култучному озеру. Плохо было одно: их саночки пересекали дорогу (нынешнюю улицу Ленинградскую. — С. Г.), по которой то и дело сновали автомобили. Так недолго было угодить и под колёса. Коменданту АКОграда рекомендовалось принять предупредительные меры.

17 ноября в семь часов вечера в зале музея прочитан доклад члена краеведческого общества Батурлова «Пушной промысел в Камчатском округе». Докладчик остановился на его текущем состоянии, осветил вопросы организации охоты и звероводческого хозяйства.

18 ноября «налёт» легкокавалеристов на радиостанцию обнаружил там грязь, разлитое горючее, ржавеющие инструменты и ненормальную зарплату: «ученик и механик получают одинаково».

19 ноября в клубе в торжественной обстановке подписан договор между правлением АКО и окружкомом ВЛКСМ о передаче последнему Кихчикского крабо-рыбоконсервного завода. Это и был тот самый «комсомольский ударный завод-школа», о котором речь шла на «историческом» заседании окружкома от 30 сентября. Он должен был объединить три производства: крабовый, консервный и утилизационный заводы, почему АКО присвоило ему название: «Комсомольский рыбопромышленный комбинат». Общество, подошедшее к организации комбината «по-большевистски», мечтало превратить его ни много ни мало «в высшее учебное заведение, готовящее кадры по всем отраслям промышленности».

На пост директора выдвинут начальник организационного штаба Леонид Люцифер. Решено отправить с первым пароходом на материк двух членов штаба для вербовки и подбора комсомольцев и «лучшей части беспартийной молодёжи».

23 ноября принято обязательное постановление горсовета «О мероприятиях по борьбе со скарлатиной». Петропавловск объявлен «неблагополучным» по этой заразе. Всем горожанам следовало немедленно сообщать в окрздрав и санитарному врачу о заболевших и «подозрительных».

Больные, «кои у себя дома не могут быть надлежаще изолированы», обязаны проходить установленную госпитализацию. Лица, в доме которых имелись заболевшие, лишались права выезда на побережье и в глубь Камчатки без визы санврача. Виновные в нарушении облагались сторублёвым штрафом. Постановление действовало по 31 марта 1931 г.

25 ноября рабочий типографии Ключков выступил с предложением «по примеру предприятий материка создать революционный производственно-колхозный трибунал... при нашей окружной газете “Полярная звезда”». Такие «трибуналы» уже действовали на некоторых предприятиях в центре страны, подтягивая отстававших и требуя от рабочих и администрации «взять большевистские темпы в работе». Они были призваны способствовать выполнению первого советского пятилетнего плана за четыре года повышением производительности труда и борьбой с прогульщиками, рвачами и лодырями.

Открылась декада обороны страны с весьма насыщенной программой. В десять утра все осоавиахимовцы и сандружина Красного креста собрались у здания окружкома, откуда двинулись на площадь Свободы. Здесь начался митинг. В этот же день Красный крест провёл «кружечный сбор», а вечером состоялся кинопоказ. Его предварил двадцатиминутный доклад о задачах обороны страны. С 26-го по 28-е число проходили сборы средств от граждан по подписным листам, 29 ноября по ячейкам состоялись вечера, посвящённые памяти покойного наркомвоенмора М. В. Фрунзе, а 30-го — детский утренник с беседой о Красной Армии.

Вечером 30 ноября состоялся вечер воспоминаний, посвящённый гражданской войне, после него показан фильм. С 25 по 30 ноября работал тир. Завершилась декада 5 декабря стрелковыми соревнованиями. Победителям достались неплохие призы: отрез на костюм и две библиотечки.

1 декабря на основании постановления президиума окрисполкома от 26 ноября введены новые нормы распределения дефицитных товаров. Теперь в трёхдневный срок горожанам следовало перерегистрировать продовольственные книжки и карточки в выдавших их организациях. Здесь для этого были назначены специальные лица. Они записывали в продуктовой книжке фамилию, имя и отчество владельца, место его работы и категорию снабжения (I — грузчик; II — рабочие других специальностей; III — восточный рабочий; IV — служащий), состав семьи, в том числе иждивенцев, начиная с тринадцатилетнего возраста, членов и не членов профсоюзов. Отмечались и дети, отдельно до трёх, от трёх до восьми и от восьми до двенадцати лет. Эти сведения заверялись чёткой подписью уполномоченного и скреплялись печатью. Одновременно с перерегистрацией списки получателей продуктов передавались в горсовет.

Петропавловский кооператив известил, что с сегодняшнего дня начинает выдачу квартальной нормы мануфактуры и месячной нормы других товаров и продуктов. Желающим получить следовало предоставить перерегистрированные продовольственные книжки. Очерёдность выдачи: 1 и 2 декабря — группомы № 3 и 4 совторгслужащих (окрфинотдел, Госбанк, сберкасса, суд, милиция и таможня), 3-го и 4-го — типография и связь; 5-го и 6-го — просвещенцы и прочие.

2 декабря с пароходом «Томск» в адрес «Союзкино» прибыли шестьдесят четыре новых фильма. В ближайшее время в прокат выходили «Бухта смерти», «Белый всадник», «Чужой берег», «Панук», «Твой друг», «На повороте», «Человек в ливрее» и прочие.

Желающий освоить работу на пишущей машинке просил сообщить ему условия возможного обучения по адресу: улица Партизанская, дом № 24.

4 декабря Осоавиахим устроил вечер с «разнохарактерной» программой. В нём приняли участие «лучшие силы города» и любители из числа недавно приехавших в Петропавловск. Работал буфет, играл духовой оркестр. Прошёл сбор средств «на усиление средств декады обороны страны».

8 декабря школьники четвёртой группы «А» школы-семилетки отчитались о средствах, собранных на постройку дирижабля «Тихоокеанский пролетарий». Они внесли на это дело тридцать рублей. Первым откликнулся школьник из бедняцкой семьи селения Сероглазка Г. Крупенин, давший рубль и пятьдесят пять копеек. Вот с кого надо было брать пример! Вся же четвёртая группа «А» вызывала на соревнование четвёртую группу «Б» и обе третьих.

12 декабря в переполненном зале окружного суда слушалось уголовное дело по обвинению группы моряков во главе со старшинкой-китайцем с фрахтованного АКО шанхайского парохода «Нэнси Моллер» в истязании и пытках кочегара Ле Фа и мальчика Уан Тин Га. «За барьером, справа от судей, обвиняемые Тю Уа Зан, Ча Сам Бо и А Гын. Типичные кретины с лицами заядлых посетителей опиумокурилок и тёмных таверн Шанхая...» От издевательств в ночь с 4 на 5 ноября младший кочегар Ле Фа выбросился за борт. На следующий день его тело подобрали на берегу. Одновременно с ним жестокой пытке был подвергнут пароходный уборщик Уан Тин Га. Обоих обвинили в краже двухсот иен из каюты старшинки Тю Уа Зан.

Заключительное заседание суда затянулось до поздней ночи, но народ не расходился. Все скамьи и проходы были заняты. Особенно много присутствовало «восточников», с неослабевающим интересом следивших за процессом. Наконец поздно ночью был зачитан приговор. Главный обвиняемый — Тю Уа Зан — приговорён к пяти годам принудительных работ с зачётом предварительного заключения. Второй обвиняемый — Ча Сам Бо — к двум, а третий — А Гын — к полутора годам принудительных работ. Одним словом, и эти шовинисты получили по заслугам.

14 декабря объявлено о предстоящей постройке в городе кинотеатра. Местное представительство «Союзкино» по договоренности с заместителем председателя правления АКО А. А. Кривошеевым приступило к составлению ориентировочного проекта

и сметы. Предполагалось, что кинотеатр будет вмещать пятьсот человек. Его просторное фойе намечали разделить на две части. Первая — для ожидающих начала сеанса, вторая — для «культурного проведения времени». Готовые смету и проект планировалось рассмотреть на заседании президиума облисполкома, где и решить окончательно, кто будет участвовать в строительстве и кому готовый кинотеатр будет передан в эксплуатацию. По предварительным данным, стройку намеревались начать весной 1931 г. и завершить к празднованию четырнадцатой годовщины Октябрьской революции, то есть к 7 ноября.

Пока же основной киноплощадкой оставался клуб совторгслужащих, больше пригодный для взрослой аудитории. «Союзкино» полагало, что правление клуба уделяет детям недостаточное внимание, они «не могут на большинстве сеансах бывать потому, что многие фильмы для них неподходящи». Располагая рядом детских кинокартин, а также научных и политико-просветительных, «Созкино» просило все заинтересованные в воспитании подрастающего поколения организации принять зависящие от них меры к широкому использованию этого фонда для детской аудитории.

С «Лозовским», одним из последних пароходов навигации, получена новая партия художественных и политико-просветительных фильмов. Частью они отправились в районы округа, а в городе на зиму оставлены «Красные дьяволята», «О двух заводах», «Лесные люди», «Десять миллионов», «К счастливой гавани», документальный фильм о мировой войне, «По реке Кубани», «Звенигора» и другие.

14 декабря начальник Камчатского погранотряда ОГПУ Г. Р. Коваленко и окружной военный комиссар Виноградов выступили с разъяснением порядка ношения форменной одежды демобилизованными военнослужащими. Им разрешалось донашивать все предметы обмундирования, но без знаков различия. Причиной такого разъяснения стало массовое появление в городе бывших пограничников, красноармейцев, младших командиров и сотрудников ОГПУ в шинелях, френчах, шлемах, фуражках с петлицами и звёздами. Им предложено снять их в семидневный срок. Все лица действующего начальствующего состава обязывались наблюдать за исполнением этого решения.

24 декабря ночью бушевал шторм. Он разбил два кунгаса, стоявших на Кошке у стройбазы АКО. Виновным признан заведующий технической частью Морского управления АКО Смесов, который, несмотря на штормовое предупреждение, не убрал плавсредства в безопасное место. Стихия нанесла порту Совторгфлота убыток в семьдесят тысяч рублей, разрушив склады. Правда, построены они были по принципу «тяп-ляп», без учёта климатических особенностей места. Хороши оказались и рабочие порты, отказавшиеся идти откапывать снег, чем можно было предотвратить катастрофу.

25 декабря в пять часов вечера в помещении школы, что ближе к пристани в Ковше, заседал расширенный пленум окружного Совета безбожников с участием «безбожного актива». В повестке дня: отчёт окрсовета и его довыборы, а также постановка очередных задач. После показан кинофильм. Объявление о начале работы пленума предвзялось призывом: «Безбожник! Иди на пленум!»

27 декабря стартовала отчётно-перевыборная кампания горсовета. Решением окрисполкома руководителям всех городских организаций и учреждений предписано после четырёх часов дня никаких собраний, заседаний и совещаний не устраивать: это время теперь должны были занять предвыборные собрания в коллективах.

Утверждены предвыборные лозунги, отражавшие текущую политическую ситуацию и перспективы развития страны:

«Не может быть сознательных членов профсоюза, не принимающих участи в выборах Советов!» «Избиратель! 11, 12 и 13 января — выборы горсовета. Ты должен быть на выборном собрании!» «Товарищи избиратели! Стопроцентной явкой на выборы Совета дадим отпор наглым интервентам, вредителям, кулакам, “правым” и “левым” оппортунистам!» «Всю работу горсовета под контроль рабочих и трудящихся масс, под огонь пролетарской самокритики!» «Мобилизуем все силы на ликвидацию прорывов в промфинпланах второго года пятилетки!» «В ответ на попытку господ империалистов начать интервенцию против СССР решительно будем укреплять обороноспособность страны!»

Отчётно-перевыборная кампания стала хорошим поводом подвести итоги уходящего года по части развития городского хозяйства. Они оказались нерадостными. Так, строительный план горкомхоза был совершенно не выполнен, средства, выделенные на благоустройство города, не использованы. Расходы на приведение Петропавловска определены в десять тысяч рублей. Немного, но вполне достаточно для того, чтобы засыпать ямы и выровнять хотя бы одну улицу. Год простояла незавершённая ограда, вернее, одни столбы, около склада самого комхоза на улице Ленинской, часть их уже повалилась, и, вероятно, «скоро будет в печке». Для завершения забора не потребовалось бы много усилий. А если бы и так, то этим могли бы заняться плотники, привезённые весной из Владивостока некоторыми хозяйственными организациями и простаивавшие из-за недостатка материалов.

Эти плотники разместились в палатках, приткнувшихся за школьным зданием у Никольской сопки. Палатки топились печками, в которых жгли, в том числе, и стройматериалы, «благо на стройбазе начальства достаточно, а охраны нет. Оно, конечно, сосновые сухие доски горят хорошо, но из чего вы будете тогда себе строить дома?»

Ссылки руководителей горкомхоза на нехватку рабочих рук были неубедительны: летом и осенью в городе скопилось значительное число сезонных рабочих. Они долгое время ждали возможности уехать во Владивосток с остановившихся после летней путины заводов АКО. Разве нельзя было их использовать? Ремонт жилых и общественных зданий проведён в минимальном объёме. Дровяные заготовки, которыми ведал горкомхоз, до момента передачи в руки АКО были, по сути, провалены. К зиме наступил очередной «дровяной голод»: запасли лишь тысячу триста погонных сажень вместо предположенных по плану двух тысяч.

Обыватели задавались законным вопросом: а чем же занимается аппарат горкомхоза, если подчинённое ему хозяйство ничего не сделало? Горкомхоз имел в своём распоряжении двадцать четыре жилых дома, электростанцию, водопровод и баню. Баня была сдана в аренду, водопровод особого обслуживания не требовал. Оставался сбор платы за жильё и электроэнергию, но и они взимались, несмотря на правительственные постановления о мобилизации средств, с большим опозданием. Никакого контроля правильного использования электроэнергии не велось.

В октябре на улице Ленинской, в самом центре города, недалеко от активно посещаемого городского клуба несколько дней валялся труп новорождённого телёнка. Собаки растаскивали его по кускам, завязывая драки. «Хорошо, хоть собаки следят за чистотой», — ворчали недовольные обыватели. «Какой же мы должны сделать из всего сказанного вывод? Очевидно, придётся сказать, что такой работе, как в горкомхозе, — грош цена».

Бытовые сложности преследовали горожан на каждом шагу. Одни жаловались на ненавязчивый сервис: «Очень дорого дерёт артель сапожников (кустарно-промышленного отдела АКО.— С. Г.) за починку сапог и другие работы. Например, за прибивку резинок к каблукам она берёт восемьдесят копеек и дороже, как ей заблагорассудится. Надо призвать сапожников к порядку, а то зарвались ребята». Другие сетовали на дороговатые услуги возчиков, бравших за доставку погонной сажени дров от Култучного озера до Ленинской улицы десять рублей да ещё накидывавших за укладку, и мечтали о введении твёрдых расценок на возку грузов. Третьи указывали на тесноту бани, работавшей только третий год, но уже давно нуждавшейся в ремонте и переоборудовании отопительного хозяйства.

Нуждался в реконструкции и водопровод, переставший соответствовать своему назначению. Мощность ключей, стекавших с сопки, теперь не удовлетворяла потребностям жителей. К тому же во время дождей и таяния снега вода сильно загрязнялась и могла стать источником различного рода заболеваний.

Начало постройки нового водопровода намечалась на 1931 г., а местный бюджет намеревался вложить в него за пять лет двести пятьдесят тысяч рублей и привлечь, кроме того, средства АКО и порта...

При написании очерка использованы материалы из фондов КГБУ ККОМ.